

РО-ДООВО
«Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Александр Дворжанский

«СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ»

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

*Центр по изучению подвига новомучеников
и исповедников Российских Пензенской епархии*

Александр Дворжанский

“СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ”

Пенза
2021

ББК 63.3 (2Рос.–4)
86.372 (2–4)
Д24
УДК 908 + 261.7

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария»

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-104-0082

Д24 **Дворжанский А. И.** «Союз Христовых воинов». – Пенза:
Пензенская духовная семинария, 2021. – 54 с.

«Союз Христовых воинов» – это одно из тысяч сфабрикованных в 1930-е годы дел, ставящих своей целью искоренение всякого инакомыслия, представители которого изымались из советской действительности как не имеющие права на дальнейшее существование в новом социалистическом государстве.

ISBN 978-5-6045210-2-1

© Дворжанский А. И., 2021
© РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария»

Предисловие

«Союз Христовых воинов» – одно из множества дел, сфабрикованных органами советской власти с целью подавления свободомыслия, несогласного с официально проводимым в стране курсом партии и правительства. Оно не отличается ещё большей жестокостью: все обвиняемые, проходившие по нему, отделались довольно легко, получив по два-три года ссылки в Казахстан и Западную Сибирь. А половина обвиняемых и вообще была из-под стражи освобождена с зачётом им в наказание срока предварительного заключения.

Однако на таких делах отработывались методы репрессивной политики, способы воздействия на подследственных для получения нужных показаний, брались на учёт антисоветски настроенные лица, и, как показало время, это делалось для их последующего физического уничтожения. А попутно возвращались необходимые кадры, лишённые нравственных чувств, безжалостно распоряжавшиеся жизнями обвиняемых при полном осознании их невиновности. Всё это вскоре позволит превратить советское правосудие в конвейер массового истребления всех неугодных, а страну – в одну большую фабрику смерти.

Прежде чем перейти к рассмотрению следственного дела, получившего название «Союз Христовых воинов», восемь томов которого хранятся в Архиве УФСБ по Пензенской области, нелишним будет хотя бы вкратце ознакомиться с ходом репрессий, развязанных против Пензенской Церкви после Октябрьской революции.

Первые аресты священнослужителей и лиц, так или иначе связанных с Церковью на Пензенской земле, начались сразу же после установления советской власти – в ходе проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, объявленного «красного террора», стихийных выступлений крестьян и изъятия церковных ценностей. Они по большей части не привели к серьёзным последствиям для арестованных, хотя и в 1918 году происходят уже отдельные случаи гибели священников – Якова Бученкова, Иоанна Мироносицкого, Петра Богословского, Иоанна Орлова, Евгения Доброхотова, Александра Ксенократова, Павла Кедрина.

Гражданская война наложила свой отпечаток на репрессии, проводимые в прифронтовой полосе, в частности в бывшем Кузнецком уезде Саратовской губернии, входящем сейчас в состав Пензенской области. В январе 1919 года кузнецкими чекистами было арестовано 200 «буржуазных элементов», многие из которых 23 июля 1919 года были расстреляны в г. Кузнецке в Дуванном овраге. Среди казнённых были и священники – Николай Протасов, Иоанн Климов, Павел Ремезов.

Конец 1920-х годов характеризуется уже масштабными репрессиями против духовенства и верующих, чему способствовала и сама организационная структура Церкви, позволяющая представить её как разветвлённую сеть антисоветской организации, во главе филиалов (епархий) которой стояли руководители (архиереи), осуществлявшие через своих агентов (священнослужителей и церковных активистов) связь с рядовыми членами (прихожанами). Естественно, что советская власть не преминула воспользоваться этим обстоятельством.

8 июня 1927 года ОГПУ завело дело против группы духовенства Пензенской епархии во главе с епископом Филиппом (Перовым). Основанием для их ареста послужило проведение без разрешения властей в сентябре 1925 года в Наровчате окружного съезда духовенства, постановления которого были признаны советской властью носящими контрреволюционный характер. В качестве обвиняемых и свидетелей проходило несколько десятков человек. Шесть из них во главе с епископом Филиппом подверглись тюремному заключению, однако из-за отсутствия доказательств состава преступления все они вскоре были освобождены.

В 1929 году было сфабриковано дело церковно-монархической группы Кузнецкого округа из 70 человек, в ходе которого целая группа священнослужителей Кузнецкого и Камешкирского районов получила по три, пять, семь, десять лет, а священники Владимир Дубровин и Савва Кафтырев были расстреляны.

В том же году были арестованы насельницы Липовского женского монастыря – 9 человек во главе с игуменией Палладией (Пурьсовой) и монастырским священником Матфеем Соколовым. Двум последним дали по пять лет лишения свободы, остальным – меньший срок.

В 1930 году в Керенском районе возникло дело по ликвидации церковно-кулацкой группы «Бывшие люди». В числе арестованных оказались пять монахинь Керенского Тихвинского монастыря, а также священники Даниил Трапезников и Николай Шиловский. Первого из них приговорили к десяти, а второго – к пяти годам заключения в концлагерь.

В январе 1931 года по делу Пензенского филиала «Истинно-православной церкви» было арестовано около 130 человек во главе с епископом Кириллом (Соколовым), в 1928 году назначенным на Пензенскую кафедру. Кроме жителей Пензы, в группу арестованных входили также лица, проживавшие в Мокшанском, Кучкинском, Телегинском и Шемьшейском районах. Большинство арестованных получило по три года, священник Евфимий Куликов и находившийся в ссылке в Пензе профессор богословия Сергей Глаголев – по пять лет, а епископ Кирилл (Соколов) – десять.

Наряду с этим запланированным групповым делом в январе 1931 года неожиданно возникло ещё одно, связанное с выступлением жителей села Павло-Куракино Городищенского района против снятия колоколов. На защиту сельской церкви собралось около 400 человек. В толпу были сделаны выстрелы, в результате чего один из сельчан был убит. В число 26 арестованных попал и местный священник Алексей Листов. Он, а также двое крестьян были расстреляны, двое получили по десять лет, трое – по восемь, а остальные – по пять.

В это время уже начинается настоящая зачистка районов от церковников: в 1931 году – Мокшанского района по делу «Истинно-православной церкви», с 1930 по 1933 год – Лунинского. В 1932 году сфабриковали дело «Союз Христовых воинов», по которому подверглись аресту священники и псаломщики Николо-Пестровского, Кузнецкого, Инзенского, Иссинского, Лунинского районов, а также монахини Шиханского женского монастыря.

В июне 1935 года началось дело против религиозной общины в Наровчатском районе, возглавляемой иеромонахом закрывшегося Сканова монастыря Пахомием (Ионовым). 14 человек из проходивших по делу были приговорены к различным срокам лишения свободы – от одного до пяти лет, а сам иеромонах Пахомий – к пяти годам заключения в концлагерь, где впоследствии был расстрелян; в 2000 году он канонизирован в лике преподобномучеников от Алма-Атинской епархии.

Одновременно было возбуждено групповое дело по ликвидации церковной группы Кузнецкого района во главе с епископом Кузнецким Серафимом (Юшковым), который после ареста в 1931 году епископа Пензенского Кирилла (Соколова) духовно окормлял Пензенскую епархию до назначения в неё в 1933 году архиепископа Алексия (Кузнецова). В 1935 году епископ Серафим был приговорён к десяти годам заключения. Однако по ходатайству сына, академика Серафима Владимировича Юшкова, тюремное заключение ему заменили высылкой на Урал, а затем досрочно освободили по болезни.

Все последующие пензенские архиереи приняли мученическую кончину. Архиепископ Алексей (Кузнецов), назначенный в Пензу 22 ноября 1933 года, управлял Пензенской епархией всего 4 месяца. Перейдя в Свердловскую епархию, был там арестован и расстрелян в 1938 году. Ему принадлежит знаменитое изречение: «Стыдно тому священнику, который не был арестован и судим советской властью. Советская власть и создана для того, чтобы притеснять религию и судить священников».

Прибывший на его место епископ Ириней (Шульмин) пробыл на Пензенской кафедре только год и в сане архиепископа был переведён в г. Куйбышев, где его в 1937 году арестовали и затем расстреляли.

В 1935 году в Пензу был назначен епископ Марийский, викарий Нижегородской епархии Авраамий (Чурилин). Но он даже не успел приехать на свою новую кафедру, как был арестован в г. Йошкар-Оле, выслан на три года в Архангельск и там в 1938 году расстрелян.

В том же 1935 году во епископа Пензенского рукоположили архимандрита Феодора (Смирнова), а 18 октября 1936 года его уже арестовали. В обвинительном заключении о «контрреволюционной деятельности» епископа Феодора сказано так: «В Пензе существует нелегальная контрреволюционная организация церковников, возглавленная епископом Пензенской епархии Смирновым Владимиром и вернувшимся из концлагерей бывшим священником Смирновым Василием Сергеевичем. Эта организация распространяет своё влияние на целый ряд окружающих Пензу районов, в частности Башмаковский, Наровчатский, Беднодемьяновский и другие. Организация ставит своей целью объединить все контрреволюционные и недовольные советской властью элементы, готова и обрабатывая их в направлении создания контрреволюционных резервов на случай интервенции в СССР со стороны фашистских государств».

По одному с епископом Феодором делу в Пензе были арестованы священники Гавриил Архангельский и Василий Смирнов, в Спасском районе – Иринарх Умов, в Башмаковском районе – Андрей Голубев, в Наровчатском – Иван Хорошунов. Последний из них получил десять лет, а остальные 4 сентября 1937 года были расстреляны. В 2000 года епископ Феодор (Смирнов) и его верные сподвижники иереи Гавриил Архангельский и Василий Смирнов были причислены к лику святых от Пензенской епархии.

1937 год стал годом фактического уничтожения Пензенской Церкви. Широкая волна арестов прокатилась по всем районам. Приговоры этого времени отличались особой жестокостью – восемь, десять лет, а чаще всего – расстрел. Арестовывались по одному, два, три человека – священники, монахини, члены церковных советов. Аресты шли на протяжении всего года.

22 декабря 1937 года арестовали епископа Ираклия (Попова), а вместе с ним ещё 10 человек – священников Петра Боголюбова, Сергея Ключникова, Николая Фемистоклова, Николая Касаткина, Павла Ремезова и мрян г. Пензы. Епископ и все священники были расстреляны.

После гибели епископа Ираклия Пензенская Церковь осталась без архиерея. В 1938 году в Митрофановскую церковь Пензы был прислан из Москвы протоиерей Владимир Артоболевский, брат священномученика Иоанна Артоболевского, расстрелянного в Бутово. Он стал собирать вокруг себя уцелевших от арестов священников. Благодаря ему почти два

года Митрофановская церковь окормляла пензенскую паству без архиерейского участия.

В октябре 1939 года был арестован Артоболевский, а вместе с ним и священники Александр Рожков, Андрей Кипарисов и Павел Студенский. Артоболевскому дали семь лет, Рожкову – шесть, Кипарисову – два года условно, Павел Студенский умер во время следствия.

К началу Великой Отечественной войны на территории Пензенской области осталось всего лишь две действующие кладбищенские церкви – Митрофановская в Пензе и Казанская в Кузнецке.¹

Коллективизация в Средне-Волжском крае

После разгрома, по-другому не скажешь, в январе 1931 года Пензенской Церкви во главе с епископом Кириллом (Соколовым) можно было бы ожидать аналогичного хода событий в соседней Кузнецкой епархии, что, на первый взгляд, и произошло в декабре 1932 года с возникновением дела «Союз Христовых воинов». Однако епископ Кузнецкий Серафим (Юшков) был арестован со своим активом только летом 1935 года, поэтому истинной причиной возбуждения этого дела, несмотря на его явно церковное название, стало совсем другое обстоятельство.

В начале 1930 года вышел ряд документов, направленных на ускоренное проведение коллективизации: 5 января – постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», 10 января – постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об административной высылке», 18 января – директива ОГПУ при Совнаркомом СССР № 775, 776 («О предстоящем массовом выселении кулацких семей»). А 30 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», по которому все кулаки были разделены на три категории.

Контрреволюционный кулацкий актив, относящийся к 1-й категории, было решено «ликвидировать путём заключения в концлагеря, не оставиваясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии». В число кулаков 1-й категории были зачислены и активные члены церковных советов, всякого рода религиозных общин и групп, «активно проявляющие себя». Их семьи и кулаки 2-й категории, среди которых также были «церковники и сектанты», подлежали выселению в удалённые местности СССР или отдалённые районы данной области на спецпоселение. Остальные кулаки, отнесённые к 3-й категории, расселялись в пределах района на специально отводимых им

за пределами колхозных хозяйств участках. Предполагалось выселить от 3-х до 5 % крестьянских семей. На 15 апреля 1930 года число арестованных по 1-й категории составило 140724 чел., среди них было 5028 церковников. Всего же с начала 1930 года по 30 сентября 1931 года на спецпоселения было отправлено около 2,5 млн. чел.

В Кузнецком округе Средне-Волжского края коллективизация должна была завершиться осенью 1931 года или весной 1932 года. Однако местное руководство решило провести её за год. 20 января 1930 года в заседании бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) было принято постановление «Об изъятии и выселении контрреволюционных элементов и кулачества из деревни». Репрессивные меры позволили к 1 марта 1930 года в Кузнецком округе объединить в колхозы 52 % крестьянских хозяйств, в то время как по краю уровень коллективизации к лету 1930 года составил всего 20,5 %.

Это не могло не вызвать сопротивления крестьян, которое, в частности, выразилось в массовых выступлениях, даже с применением к представителям советской власти физической силы. В 1929 году в крае произошло 400 террористических актов, в 1-м полугодии 1931 года – 585 антиколхозных выступления, во 2-м полугодии – 133.

Эти выступления не только являлись ответом на насильственную коллективизацию, но и возникали на религиозной почве, поскольку создание колхозов в конце 1920-х – начале 1930-х годов совпало с повсеместным закрытием церквей. Поэтому среди арестованных по «церковным» делам встречается много единоличников-средняков, не желавших вступать в колхозы. Типичным для этих лет приёмом следственных органов при возникновении волнений среди крестьян было представить вдохновителем их выступления, духовным руководителем «контрреволюционной группировки» местного священника, после ареста которого церковь автоматически переставала действовать.

Тем не менее массовая волна крестьянских выступлений вынудила правительство ослабить нажим на крестьянство. 2 марта 1930 года в газете «Правда» вышла статья генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», в которой он переложил ответственность за «перегибы» на местные власти, обвинив их в «разложении и дискредитации» колхозного движения.

14 марта 1930 года постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» осудило действия таких партийных работников, назвав их «левацкими загибами». В этом же постановлении запрещалась ликвидация храмов, «фиктивно прикрываемая общественно добровольным желанием населения», а закрытие церквей

допускалось «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе как после утверждения соответствующих решений сходов областными исполкомами» и даже говорилось о строжайшей ответственности «за издевательские выходы в отношении религиозных чувств крестьян».

Суть так называемых «перегибов» хорошо отражена в директиве 1-го секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича окружным комитетам партии, в том числе и Кузнецкому: «Поступающие с мест сведения говорят о недопустимых приёмах ряда организаций в работе по коллективизации: вместо широкой развернутой систематической, организационно-разъяснительной работы – запугивание, угрозы, аресты бедняков, середняков за выступление против организации колхоза, которых гонят за 20-30 вёрст в районные центры. Практикуется вместе с коллективизацией закрытие церквей – тактически совершенно неверная линия, вызвавшая в ряде мест осложнения. Чистка колхозов от кулацких элементов также имеет ряд перегибов: наряду с оставлением в колхозах вредительского кулацкого элемента, имеет место исключение середняков по признаку невыполнения хлебозаготовок, что считаем неправильным, усиливающим лагерь сторонников кулачества. В погоне за количеством совершенно забыто качество. Есть случаи массовых выходов уже из организованных колхозов, злоупотребления, растраты в колхозах – этим никто не занимается.

Предлагаю немедленно принять решительные меры по устранению перечисленных перегибов, немедленно отозвав работников, допускающих их. Разъясните всем райкомам особую важность качественной стороны работы по коллективизации, никоим образом не ослаблять работу внутри уже организованных колхозов. Угрозы, запугивания, аресты бедняков, середняков должны быть прекращены решительным образом»².

1 апреля 1930 года было принято постановление Средне-Волжского крайкома ВКП(б) «О возврате имущества неправильно раскулаченным».

Всё это резко сократило число крестьянских выступлений, но зато привело к массовому оттоку из колхозов. На конец апреля 1930 года в Кузнецком округе в них оставалось всего 14 % крестьянских хозяйств, а к концу мая – 12,1 %.

Поэтому XVI съезд ВКП(б), проходивший с 26 июня по 13 июля 1930 года, вновь взял курс на завершение коллективизации, которая, согласно постановлению декабрьского (1930) объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на Средней Волге должна была в основном (не менее 80 % хозяйств) завершиться в 1931 году. И в 1931 году началась новая волна раскулачивания и выселения, причём собственно «кулаков» было гораздо

меньше, чем так называемого контрреволюционного элемента – бывших офицеров, полицейских, помещиков, священников и монахинь, а также торговцев, зажиточных крестьян и даже середняков, что свидетельствует о наличии чётких плановых установок по изъятию антисоветского элемента, спущенных сверху. Пензенский оперативный сектор, охватывающий Пензенский и Кузнецкий округа, выполнил установленный план по раскулачиванию на 108,2 %. Ускорение темпов коллективизации вновь привело к многочисленным нарушениям, на которые уже мало обращали внимания.

С 1 марта по 10 апреля 1931 года процент коллективизации в Кузнецком районе вырос с 21,5 % до 50,4 %, в Лунинском районе – с 16,9 до 49,5 %, Николо-Пестровском – с 20,4 до 55,6 %, Чаадаевском – с 24,5 до 63,3 %. К 1 октября 1931 года процент коллективизации на Правобережье Средней Волги, где располагался Кузнецкий район, составил 73 %, на Левобережье – 96,2 %, что позволяло уже рапортовать о завершении сплошной коллективизации ³.

Успехи коллективизации были главным образом обеспечены насильственными методами – изъятием из деревни зажиточных крестьян путём их раскулачивания и налоговым удушением, которому подвергались не только хозяйства, признанные кулацкими (самих кулаков к этому времени уже не осталось), но и единоличники, что быстрее заставляло их вступать в колхозы.

После завершения коллективизации выходы из колхоза и массовые крестьянские выступления стали восприниматься как чрезвычайные происшествия, и чтобы местному руководству было проще снять с себя ответственность за данные инциденты, их, естественно, лучше всего было представить не как собственную недоработку или перегибы, а в виде антисоветских действий законспирированной контрреволюционной организации. Тем более что это прекрасно сочеталось с установкой Сталина на то, что по мере движения СССР к социализму классовая борьба будет обостряться.

Высказанная вождём в 1928 году, эта мысль непосредственно касалась положения в деревне: «Мы говорим часто, что необходимо ограничить эксплуататорские поползновения кулачества в деревне, что надо наложить на кулачество высокие налоги, что надо ограничить право аренды, не допускать права выборов кулаков в Советы и т. д. и т. п. А что это значит? Это значит, что мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения. Можно ли предположить, что кулаки будут нам благодарны за это и что они не попытаются сорганизовать часть бедноты или середняков против политики Советской вла-

сти? Конечно, нельзя. ... Но из всего этого вытекает, что по мере нашего продвижения вперёд сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать всё больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров...»⁴.

Так возникло дело контрреволюционной повстанческой монархической организации «Союз Христовых воинов»⁵, само название которой должно было показать, что основой организации является церковная структура с её широко разветвленной сетью.

Предпосылки возникновения дела «Союз Христовых воинов»

О причинах, побудивших сфабриковать дело «Союз Христовых воинов», говорится, по сути, в последних строках обвинительного заключения, где написано: «По неполным сведениям в районах, поражённых деятельностью организации, Инзенском, Н[иколо]-Пёстровском, Лунинском и Иссинском вскрыто в единоличном секторе 546 ям с общим количеством обнаруженного хлеба 5608 пудов. По тем же районам только за апрель-июнь 1932 года вышло из колхозов 1911 хозяйств».

То есть процесс выхода из колхозов приобрёл массовый характер, который сложно было бы объяснить отдельными недоработками местных органов. Он, скорее, свидетельствовало об истинном отношении населения к генеральной линии партии и правительства, о чём, естественно, не то что вслух говорить, но даже и мыслить было опасно. Поэтому и понадобился хорошо затаившийся «враг», ненавидевший советскую власть и все её мероприятия, и в первую очередь – коллективное хозяйство, идеологически чуждый и гонимый советской властью. Но поскольку из враждебных классов никого уже на свободе практически не оставалось, то было очень просто сделать вывод – кто, как не Православная церковь, постоянно притесняемая советским государством, могла быть заинтересована в его гибели?

Правда, что касается выступлений религиозного характера на почве закрытия храмов, тут всё понятно. Но колхозное строительство? Оно-то чем могло помешать Церкви?

А как же верующие крестьяне, каковых было ещё предостаточно, могли спросить своего духовного отца, каким в каждом селе являлся священник, идти ли им в колхозы? Что тут ответить на такой вопрос? Ведь сама богоборческая советская власть с точки зрения верующего человека

может быть охарактеризована как «антихристова», как и её идеология, направленная на искоренение религиозности в человеке, а следовательно, и нравственных ориентиров, основанных на Священном Писании и совсем не подходящих для нового общества, строительство которого оказалось сопряжённым с физическим уничтожением инакомыслящих.

Поэтому духовный отец мог прямо или же косвенно выразить своё отношение к такому «антихристовому» обществу, ячейкой которого, пропитанной «антихристовым» духом, становились колхозы. Ну а если не выражал? А вот тут оставалось только найти тех, кто бы подтвердил даже то, чего и не было на самом деле. И таких людей у нас всегда можно было найти.

Дело упрощали сами верующие, которые делились друг с другом мнением «авторитетных» людей – странников, стариц, юридивых и прочих, которые везде «пророчествовали» о скором конце света и о том, что спастись можно, только оставаясь в стороне от «антихристовых» дел. И здесь уже налицо была «антисоветская агитация».

Конечно, такие «авторитеты» несолидно было возводить в ранг руководителей церковно-монархической организации. Для этого требовались священнослужители. А к ним при желании можно было протянуть ниточку от любого религиозного человека. И такие ниточки появлялись в ходе допросов, на которых добровольно или же под принуждением подследственные рассказывали о своей биографии, о круге знакомых, в числе которых были и священнослужители, о конкретных встречах с ними и т. д. и т. п.

В результате с каждым допросом круг потенциальных членов контрреволюционной организации всё более расширялся, выявлялись всё новые и новые связи, которые, к великой радости следователей, уводили за границы собственного региона. И зачем нужно было рассказывать о своих паломнических маршрутах, которые теперь так легко «выводили» на другую «законспирированную» организацию, а паломников превращали в «агентов» и «связистов»?

Самих же следователей могла и захватить такая «творческая» работа – создавать мифическую организацию, из ничего создавать что-то. Господь наделил человека творческими способностями, а враг рода человеческого использует эту способность для уничтожения Его Церкви. Очень наглядная иллюстрация никогда не прекращающейся на Земле борьбы добра и зла.

Обвинительное заключение

10 апреля 1933 года завершилась подготовка обвинительного заключения по делу «Союз Христовых воинов», по которому к ответственности было привлечено 103 человека.

Дело представлено таким образом, будто на Правобережье Средне-Волжского края существовала контрреволюционная повстанческая монархическая организация, ячейки которой были образованы на территории Кузнецкого, Николо-Пёстровского, Инзенского, Барышского, Иссинского и Лунинского районов с общим числом участников до 500 человек, исключительно единоличников. «Влиянием её было охвачено свыше 1000 человек единоличников и вовлечено в организованную антиколхозную деятельность под религиозным флагом».

Правда, такое большое число участников и сочувствующих им ничем не подтверждалось, но количество привлечённых к ответственности людей, представленных в качестве руководителей и актива организации, само по себе должно было свидетельствовать о размахе движения.

В преамбуле обвинительного заключения говорилось, что «организация ликвидирована в момент активной её деятельности, направленной к разложению колхозов, организации террористических актов над колхозным имуществом, хлебом, активного создания повстанческих кадров из антисоветского элемента деревни и церковников.

Организация имела свою программную платформу, установленные методы конспирации, свою особую структуру построения организации...

Используя политическую и культурную отсталость, главным образом нацменского населения (в данном регионе проживал большой процент мордвы-эрзи и мордвы-мокши. – *А. Д.*), и суеверие верующих, опираясь на антисоветский элемент деревни и единоличников, руководители и актив к-р образования в своём кулацко-поповском составе поставили своей задачей организовать массы единоличников на свержение советской власти и восстановление в бывшей России монархического строя, используя в своей практической работе методы церковной и кулацкой белогвардейской контрреволюции.

Практическая к-р деятельность ликвидированного к-р образования организации «Союз Христовых воинов» заключалась:

1. В активном вовлечении в организацию антисоветски настроенных кулацко-торгашеских элементов и части к-р элементов из единоличников вообще в целях создания из них повстанческих кадров в надежде на интервенцию.
2. В широкой антиколхозной борьбе, направленной к развалу кол-

хозов, путём: а) антисоветской агитации за организацию выходов из них; б) путём направления деятельности отдельных членов организации на поджоги колхозного имущества и хлеба и организации хищения колхозного хлеба; в) отдельных террористических действий над колхозниками (избиения, угрозы).

3. В организации срыва хлебозаготовок в кампанию 1932 г. путём обработки единоличников к отказу от сдачи хлеба государству и укрытию его в ямах.

4. В осуществлении тесной связи в к-р работе с другими аналогичными по платформе и целям к-р образованиями на территории Северного Кавказа, Украины, Горьковского края в целях создания единого фронта к-р борьбы».

Начало возникновения организации «Союз Христовых воинов» следствием было отнесено к 1925 году, когда монархические элементы, укрывшиеся в монастырях и ведшие подрывную деятельность среди паломников, в связи с закрытием монастырей решили сменить формы антисоветской работы, создав разветвлённую контрреволюционную монархическую организацию.

«Наследники Дома Романовых»

Такой вывод позволяли сделать показания 27-летнего иеромонаха Степана Петровича Благова, который на 50 страницах подробно рассказал о своём посещении различных монастырей, дав следствию бесценный материал для подтверждения широко раскинувшихся связей контрреволюционной организации «Союз Христовых воинов».

Неизвестно, какими мотивами руководствовался Благов, давая эти показания, более похожие на отчёт внедрённого в церковную среду агента после успешно выполненного задания. Может, просто «работал на историю», надеясь увековечить в ней своё имя, до того малопримечательное само по себе, как показывает его биография.

Родился он в 1906 году в с. Калинино-Языково Симбирской губернии. Отец его работал на текстильной фабрике, а он в 1923 году, то есть в 17 лет, занялся торговлей. Каким-то образом ему удалось заработать небольшие деньги, на которые он в 1924 году отправился в паломничество по монастырям и городам Советского Союза, да так и пропутешествовал до 1932 года включительно.

За это время Благов успел посетить 10 киевских монастырей, Понетаевский и Дивеевский женские (Нижегородского края), Саровский мужской, Вольский женский, Саранский женский, Большевьяский мужской,

Куриловский женский, Сызранский мужской, Костычевский женский (в селе Старые Костычи Сызранского уезда), Алытарские мужской и женский, Лукояновский женский, Шиханский женский, Пайгармский женский, Муромский мужской и другие – всего объехал 58 монастырей, а также несколько подворий и пустыней: Усадовскую пустынь Инзенского района, Фроловскую пустынь в Мордовии, Труёвскую пустынь Кузнецкого района, Седмиезерную пустынь под Казанью. Побывал в Москве, Киеве, Ленинграде, Самаре, Ульяновске, Уфе, Нижнем Новгороде, Алатыре, Арзамасе, Сызрани, Кузнецке, Саранске. Причём в некоторых монастырях и городах бывал неоднократно. Останавливался на несколько дней, заводил знакомства с епископами, архимандритами, игуменами и просто с монахами и монахинями, вёл с ними откровенные разговоры, посещал различные собрания. Видимо, в одном из монастырей (скорее всего, в Саровском) принял монашеский, а затем и священный сан и в 1930 году стал иеромонахом.

В своих поездках он часто встречался с так называемыми «наследниками Дома Романовых», начало появления которых, по словам Благова, относится к 1923 году. Эти сведения вызвали у следователя особое внимание, поскольку участие «наследников» в организации придавало ей монархическую окраску.

Объявившиеся «наследники», как и разного рода убогие, юродивые, всегда находили приют в монастырях. А когда ещё заготовлена легенда о том, что всему царскому семейству удалось спастись от расстрела и теперь все они вынуждены скрываться, как тут не поверить в сказку о возможном восстановлении монархии и о скорой гибели советской власти!

Послушать «наследников» «под большим секретом» всегда собиралось немало любопытных, да и сами они искали многолюдных мест, надеясь не просто на подаяние, а на подаяние «царское», как и полагалось им по рангу. Поэтому часто посещали паломнические центры, в частности, с. Промзино Сурского района (Ульяновской области), где находилась чудотворная икона Николая Чудотворца и куда на 7 мая (ст. ст.) съезжались паломники с разных концов Советского Союза – от 15 до 20 тыс. чел., а также масса болящих, юродивых, блаженных – до 70 чел., которых среди паломников почитали за прозорливых и от которых, главным образом, и исходили слухи о скором конце советской власти.

К этому времени в Промзино съезжались и «наследники» – из Ульяновска, Мелекесса, Самары, Алатыря, Мурома, Выксы. Вокруг них, как водится, собирались «единомышленники», которые организовывали «рекламную кампанию», рассказывая «по секрету» о присутствовавших нелегально на торжествах «членах царского Дома Романовых», распростра-

няя листовки о пребывании здесь «великих гостей», и даже разыгрывали целые спектакли.

Вот сидит в белой русской рубахе с голубым воротником с позументом и почему-то с панагией и крестом на груди не кто иной, как собственной персоной чудом спасшийся «Николай II», а на самом деле – обрядившийся соответствующим образом Пётр Митрофанович, приехавший из г. Муром, а сам родом из села Пермиси Кочкуровского района Мордовской области (ныне Большеберезниковского района). Входящий в «приёмную» «Его Величества» сразу же бросается ему в ноги с возгласом: «Благословите, царь-батюшка!», а тот, еле сдерживая улыбку в небольшой рыжеватой бороде, делает соответствующую случаю мину.

Здесь же «царевна Мария» из с. Выксы и «царевна Ксения» из г. Мурома, главный «царевич Алексей», то бишь Пантелеймон Кривов, и какой-то «царевич Николай», ещё одна «царевна Ксения», приехавшая из с. Выры Ульяновского района на заработки вместе со своей квартирной хозяйкой – «царевной Евдокией», оставившей дом и корову на брата Степана. И даже «царевич Григорий» – поп из с. Андреевки то ли Атяшевского, то ли Чамзинского района Мордовской области, более известный в своих кругах как Григорий Самарский, который время от времени объявлялся в святом граде Киеве как паломник, окружённый «свитой» из нескольких десятков мордочек, надо думать, тоже паломниц.

Усевшись за праздничным столом, на котором для солидности лежала разукрашенная фамильная карточка Дома Романовых, все внимали словам «Его Императорского Величества», который уверял о скором свержении советской власти и возвращении в Россию монархического строя, сожалея только том, что сам править не сможет, так как уезжает за границу, а оставляет за себя «наследника Алексея». При этом настойчиво рекомендовал не хранить советских денег, которые вскоре будут обесценены, – и тут же начинался сбор средств на помощь ему и его «наследникам».

Здесь не перескажешь содержание всех 50 страниц показаний Благова, фонтанирующего непрерывным потоком воспоминаний, знакомясь с которыми, невольно думаешь, а не начитался ли он Ильфа и Петрова, «12 стульев» которых вышли в 1927 году? А сами «наследники Дома Романовых» невольно ассоциируются с «детьми лейтенанта Шмидта» из «Золотого телёнка», с которым, правда, в России тогда ещё не были знакомы. Но уж больно похожая картина: «По всей стране, вымогая и клянча, передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, братья Луначарского, кузины Клары Цеткин или, на худой конец, потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина. Отряды мифических родственников усердно разрабатывают природные богат-

ства страны: добросердечие, раболепство и низкопоклонничество... И вот наконец ранней весной 1928 года почти все известные дети лейтенанта Шмидта собрались в московском трактире, у Сухаревой башни. Кворум был велик – у лейтенанта Шмидта оказалось тридцать сыновей в возрасте от 18 до 52 лет и четыре дочки, глупые, немолодые и некрасивые.

Может, и ощущал себя иеромонах Степан Благов эдаким Остапом Бендером, сидя за одним столом с «самим императором» и его высокопоставленными «отпрысками».

Подобные явления, рассчитанные на сердобольных людей, всем нам хорошо известны и по пензенскому материалу, когда узкий круг лиц, собравшись вокруг «святого» старца и пользуясь его недееспособностью, создал вокруг него особую атмосферу почитания, обеспечивая тем самым собственное благосостояние.

Так и «институт наследников», рассчитанный на доверчивых слушателей, был просто-напросто одним из способов прокормиться. Хотя, конечно, и не исключено, что кто-то пытался использовать их для каких-то своих целей.

В показаниях Благова говорится, что впервые «наследники» появились в 1923 году во Фроловской пустыни по инициативе епископа Иринарха (Павлова), якобы по наущению которого роль «наследников Алексеев» стали разыгрывать монах Пантелеймон Константинович Кривов и иеродиакон Александр Соловьёв из г. Ульяновска.

Кроме них в наших краях обретались: «царевна Маша» из Болтинки, «царевна Настя», а на самом деле Агриппина, из села Русский Сырьесь Сурского района, «царевна Анна» – бывшая монашка Шиханского монастыря, родом из деревни Кенчурки Николо-Пёстровского района, «старшая царская дочь Ольга» – старая дева из деревни Константиновки Майнского района.

И сколько же таких «наследников» и «наследниц» ходило по всей России?!

«Руководители» мифической организации

Епископ Иринарх (Павлов) к моменту следствия над «Союзом Христовых воинов» был уже осуждён, поэтому следствие без всякого опасения могло определить его на роль одного из главных руководителей этой контрреволюционной организации.

Иван Андреевич Павлов, как звали его в миру, родился в 1878 году в с. Промзино (ныне Зубово-Полянского района Мордовии). С 1898 года был послушником Алатырского Троицкого монастыря Симбирской епар-

хии, а с 1911 года – Тверского Николо-Малицкого монастыря. Принял монашество с именем Иринарх и был рукоположен в сан иеромонаха. После революции вернулся к родителям в с. Промзино, а в 1922 году получил приход в селе Кивать Карсунского уезда Симбирской епархии, где сразу же стал строить новую церковь. В 1926 году уклонился в григорианский раскол, перейдя под юрисдикцию Временного Высшего Церковного Совета, но в том же году был арестован и провёл в Ульяновской тюрьме 8 месяцев. Вернувшись в Кивать, достроил церковь, получил сан игумена, архимандрита, а в 1928 году был хиротонисан в григорианского епископа Благовещенского. В том же году стал епископом Красноярским, в 1930 году – Владивостокским. 2 июня 1931 года был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и приговорён к трём годам содержания в концлагере. 21 сентября 1932 года получил ещё 10 лет, содержался в Темниковском лагере (Мордовия), но в августе 1933 года был досрочно освобождён. Служил священником григорианской структуры в разных церквях Ульяновской епархии до 1937 года. 30 июля был арестован по сфабрикованному делу «фашистско-повстанческой церковно-монархической контрреволюционной организации» и 20 октября 1937 года расстрелян.

Таким образом, в ходе следствия над «Союзом Христовых воинов» он находился в заключении. Дополнительные 10 лет «заработал» не за «руководство» этой организацией, поскольку аресты по нему начались только в декабре 1932 года, и получил досрочное освобождение после завершения следствия, которое на нём как на «руководителе» контрреволюционной организации странным образом никак не отразилось. Но дело не в этом.

Священники, которые «вошли» в «Союз Христовых воинов», находились под юрисдикцией епископа Кузнецкого Серафима (Юшкова), стоявшего на «тихоновских» позициях, то есть подчинявшегося заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), будущему Патриарху Русской Православной Церкви. Поэтому в своей деятельности никак не могли руководствоваться указаниями другого архиепископа, тем более раскольничьего.

Что, следователи не знали этой простой истины? Или же им было это совершенно безразлично, поскольку осуждение проходило негласно, через особое совещание при коллегии ОГПУ, в закрытом режиме? Зато теперь уже одного этого факта достаточно, чтобы считать само дело сфабрикованным, – вот уж действительно оно «шито белыми нитками».

Под стать этому руководителю контрреволюционной организации и другой, тоже григорианский, архиерей, – епископ Гермоген (в миру Михаил Антонович Кузьмин). Родился он в 1884 году в д. Орловке Лу-

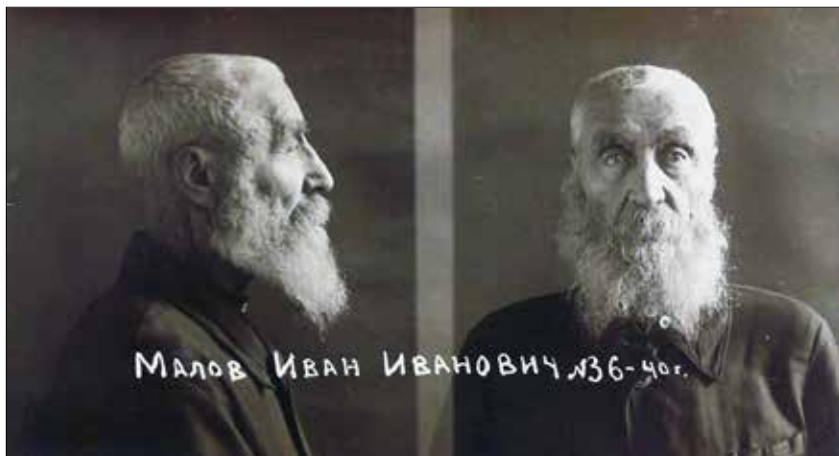
кояновского уезда Нижегородской губернии. С 1903 года – послушник того же Алатырского Троицкого монастыря, с 1905 года – Жадовской Казанско-Богородицкой пустыни Симбирской епархии, с 1915 года – на-сельник Сызранского Вознесенского монастыря той же епархии. В том же году стал монахом Гермогеном и иеродиаконем, с 1920 года в этом сане подвизался в Жадовской пустыни, где в 1923 году был рукоположен в иеромонаха, в 1925 году возведён в игумена, а в следующем году – в архимандрита. В 1927 году также уклонился в григорианский раскол и был хиротонисан во епископа Буинского, викария Ульяновской епархии, в том же году – епископ Барнаульский, но пробыл в этой должности совсем недолго – уже 8 октября 1928 года уволился по болезни и вернулся в Ульяновскую епархию, где с 1929 года служил священником в церквях григорианской ориентации. Арестован 27 мая 1932 года и приговорён к 10 годам концлагеря. В 1942 году вышел на свободу, принёс покаяние Патриарху Алексию I и в сане архимандрита стал служить в Казанском кафедральном соборе г. Ульяновска. В 1948 году назначен настоятелем церкви села Теньковки Карсунского района Ульяновской области. Умер в 1966 году.

То есть и второй «руководитель» «Союза Христовых воинов» также остался в стороне от «своей» организации. Кто же тогда входил по сценарию в её руководящий центр?

«Руководящий центр» организации

Все нити раскрытого «заговора» в деле сводятся к 80-летнему кулаку-лишенцу Ивану Ивановичу Малову из села Красная Поляна (оно же Синодское) Барышского района Средне-Волжского края – бывшему волостному старшине, депутату Государственной думы и участнику церковного Собора 1917–1918 годов. Тем не менее, сам по себе он не мог подойти на роль руководителя, по указанию которого священнослужители должны были бы вести антисоветскую деятельность. Для этого нужно было духовное лицо, вот и понадобились «мёртвые», по сути, души – осуждённые архиереи Иринарх и Гермоген.

К одному из них, а именно к епископу Иринарху (Павлову), в обвинительном заключении и проводятся связующие нити от Малова с расчётом, что выглядит это вполне правдоподобно. И вряд ли кого это удивило, если бы не одно «но». В допросе от 13 января 1933 года И. И. Малов рассказывает о своей встрече с Патриархом Тихоном, которая произошла в 1924 году. Малов специально приехал к Патриарху за указаниями, как вести себя по отношению к обновленчеству. На его вопрос Патриарх от-

ветил: «Все обновленческие и живоцерковные церкви находятся в ереси, и поэтому вы должны стоять на платформе старой церкви».

Эти указания Малов принял как директиву и повёл активную борьбу с обновленчеством «как с враждебным течением в православии, подрывающим устои Русской старой церкви и ослабляющим религию» и даже попал за это на время в тюрьму. Ему удалось вернуть в православие уклонившихся в обновленчество священников – Небосклонова из села Русский Качим и Разумова – из с. Топорнино.

Однако повод «связать» себя с епископом Иринархом (Павловым) он сам дал на одном из допросов, когда сказал, что, присутствуя в 1926 году на рукоположении в сан священника Андрея Михайловича Малова в Соплёвке бывшего Карсунского уезда (с. Красный Бор, ныне Вешкаймского района Ульяновской области), он там, «между прочим, встретил Ульяновского епископа Виссариона и архимандрита Иринарха Павлова».

Надо заметить, что в декабре 1925 года епископ Виссарион (Зорин), назначенный Патриархом Тихоном на Ульяновскую кафедру, отпал в григорианский раскол и 26 января 1926 года митрополитом Сергием (Старгородским) был запрещён в священнослужении. В конце июня 1926 года он принёс покаяние перед митрополитом Сергием, а зимой того же года вновь вернулся в григорианство. Так что рукоположение он, скорее всего, совершал, не будучи раскольником, поэтому присутствие на хиротонии борца с обновленчеством И. И. Малова не должно удивлять.

Что касается отношения к колхозам, то у Малова оно было однозначным: «колхозы несут гибель религии, что колхозы антихристовая организация», в которую христианину вступать нельзя и с которой ему «надо

вести борьбу, разъяснять всем единоличникам, чтобы они не вступали в колхоз, а колхозники выходили из колхоза».

Естественно, что лишённый всего хозяйства при раскулачивании, Малов ненавидел советскую власть, хотя по отношению к ней и руководствовался апостольским учением: что всякая власть от Бога, поэтому приходится подчиняться и советской власти. Но это не мешало ему считать её ненародной, которая послана народу в наказание за грехи и которую приходится терпеть только до поры до времени – в надежде, что «и Бог, и сам народ не позволят долго существовать соввласти, что она должна быть свергнута и заменена действительно народной и крестьянской властью царя».

Предсказания о тяжёлом положении, которое сложилось в стране сразу же после прихода большевиков к власти, Малов нашёл в 24-й главе Евангелия от Матвея, где говорится про голод, разрушение храмов и о том, что восстанет народ на народ, – и отсюда он сделал вывод, что всё это «ведёт к скорой кончине мира, а значит, и соввласти».

Так всего мира или же только советской власти? Вот это смешение в мозгах и порождало метания – или же просто не вступать в колхоз и отговаривать от этого других, или же бороться с колхозами всеми способами, вплоть до поджогов колхозного имущества и террористических актов, что следователь, наконец-то, и услышал из уст Малова. В результате в обвинительном заключении в характеристике на него появились слова, что он «осуществлял непосредственное и наиболее активное руководство кустовыми ячейками организации на территории Инзенского, Барышского, Кузнецкого районов, направлял, главным образом, деятельность участников организации к поджогу колхозного имущества, хлеба, организации вредительства в колхозах».

Но, оказывается, он ещё и «направлял деятельность института «наследников» (ну мы-то с этим «институтом» уже немного знакомы. – *А.Д.*) и связистов организации к широкой антиколхозной борьбе, используя для этой цели село Красную Поляну (Синодское) как связной пункт организации. Полностью использовал в своей работе методы церковной контрреволюции в осуществлении поставленных организацией целей – свержение соввласти и восстановление в России монархического строя».

С «институтом наследников» Малов имел случай познакомиться в лице иеромонаха Пантелеймона Кривога – известного нам «царевича Алексея», который ему отрекомендовался «сыном великого князя Михаила». Пусть и не наследник, но всё же «царского происхождения».

«Сначала у меня возникло сомнение в правдоподобности: как так – он же мордвин», – честно признался следователю на допросе Малов.

Но Кривов уверил Малова, что, давно скрываясь среди мордовского населения, и сам стал уже говорить с мордовским акцентом. Малов посоветовал ему бежать за границу. «Что ты! – с негодованием ответил «князь». – Наоборот, надо оставаться в России, в такое время благоденствовать нельзя, когда кругом народ страдает и стонет под игом жидовской власти большевиков. Народ ждёт, чтобы ему помогли свергнуть соввласть. Надо не благоденствовать, а страдать вместе с народом и работать изо всех сил. Соввласть скоро будет свергнута, и в России снова воцарится настоящая народная царская власть. К учреждению этой власти надо стремиться не щадя своих сил и усилий». Ну, прямо пламенные слова большевиков, радеющих за всеобщее народное счастье!

Так ли всё было на самом деле или нет, может, следовательно сам всё это сочинил, а может, и действительно Кривов такое говорил – то ли по заданию, то ли от себя лично, но как бы то ни было, а из этого разговора Малов понял только одно – надо «всемерно вредить соввласти, и в первую голову колхозному строительству».

А на прощанье «князь Пантелеймон» вселил в Малова надежду на скорое падение советской власти, сообщив, что не только он спасся от рук большевиков, но и весь царский род, который сейчас живёт за границей. Ну как тут не воспрянуть духом и не начать с жаром бороться с советской властью, приближая долгожданный час восстановления монархического строя.

В 1928 году Пантелеймон Кривов, на этот раз в образе «царевича Алексея», со своим «папенькой» – «Николаем II» (Петром Митрофановичем) посетили и наш город Пензу, где «им был устроен хороший приём». Жаль, что никаких подробностей этого визита не осталось.

В списке обвиняемых И. И. Малов стоит под № 1, а вторым по списку идёт священник села Садома Николай Александрович Покровский, который «являлся руководителем организации, будучи непосредственно связан с Маловым Иваном», «осуществлял непосредственное руководство кустовой ячейкой в Кузнецком районе», направляя деятельность связиста-пропагандиста организации Иоанна Барцайкина, и «в своей руководящей работе использовал методы церковной к[онтр]-р[еволюции]...». Интересно, какие? – «Организовывал специальные молебны и помазания членов организации церковников». Любой православный знает, что означают помазания в церкви, но зато как зловеще звучит!

Протоиерей Николай Александрович Покровский ещё в 1919 году в с. Маисе организовал выступление против декрета об отделении Церкви от государства, за что был заключён в тюрьму г. Симбирска, а затем осу-

ждён на пять лет условно. С 1930 года служил в Большой Садовке, а в 1932 году перешёл в с. Садам (Садам-Глядовку) Кузнецкого (теперь Соновоборского) района.

В своих показаниях он говорил следователю: «Я иду против советской власти по тем вопросам, которые противоречат Священному Писанию. В частности, я, исходя из Священного Писания, являюсь: 1) противником раскулачивания и ликвидации кулачества как класса; 2) противником мероприятий антирелигиозного порядка, направленных к закрытию церкви и отрыву верующих от церкви и Бога. В отношении колхозов придерживаюсь такого взгляда, что колхозы по существу своему являются такой организацией, которые подрывают религиозные устои. Однако когда меня спрашивают верующие, я им объясняю, что можно спастись и в колхозах, но с тем условием, если, находясь в колхозе, будем идти неуклонно по пути Священного Писания. Исходя из этих моих убеждений, я и направляю свою деятельность как священнослужитель».

Третьим по списку обвиняемых шёл иеромонах Степан Петрович Благов, с которым мы уже имели счастье познакомиться. Его непонятная словоохотливость стоила ему самой большой характеристики в обвинительном заключении, выразившейся в шести пунктах:

1. «Являлся наиболее деятельным членом организации в институте «наследников», был связан по работе в организации с к-р образованиями «СХВ» в гор. Алатыре, Муроме, Киеве, Сызрани, Ульяновске, Кузнецке, Казани – множеством монастырей и подворьев. За время работы в организации объехал в целях связи до 50 городов Союза.

2. Принимал активное участие в руководстве собраниями в гор. Алатыре совместно с членами организации Тужиным, Барцайкиным, Кривовым по вопросам антиколхозной борьбы, сопровождавшимися призывом к восстанию.

3. Находился в тесной связи с Иоасафом Козловым (гор. Казань) и Илларионом Копыла (гор. Киев), осуществлял по заданию последних работу шпионского характера».

Справка. Архимандрит Иоасаф (Козлов Иван Яковлевич, 1877–1933) родился в селе Сухие Овраги Ставропольского уезда Самарской губернии. В 1893 году поступил послушником в Новоафонский монастырь в Абхазии, где в 1893 году был пострижен в монахи, а в 1900 году рукоположен во иеромонаха. В 1902 году переведён в Седмиезерную пустынь Казанской губернии. В 1908 году назначен огородником на даче епископа, а в феврале 1917 года – казначеем в Седмиезерной пустыни. С 1919

года – священник церкви села Русско-Черемисские Ковали Казанской губернии, с 1922 года – игумен Макарьевского монастыря Нижегородской губернии в сане архимандрита. Видимо, после закрытия монастыря он некоторое время проживал в Казани, где с ним и познакомился Благов, затем уехал на Кавказ и поселился в подземной келье вблизи села Георгиевское около Сухуми. В мае 1930 года арестован, некоторое время содержался в Сухумской тюрьме, а затем был этапирован в Тбилиси. 24 сентября 1930 года осуждён на три года содержания в исправительно-трудовом лагере за ведение религиозной пропаганды. В мае 1932 года освобождён по амнистии, а в августе вновь арестован и приговорён к трём годам ИТЛ. 18 февраля 1933 года скончался в больнице при Тбилисской исправительно-трудовой колонии. ⁶ (Об Илларионе Копыле ничего не удалось узнать).

4. «Вёл работу по созданию подземного монастыря, организуя сбор средств на эти цели.

5. Осуществлял непосредственное руководство деятельностью Тарлаковской кустовой ячейки в Кузнецком районе СВК.

6. Принимал участие в обсуждении вопроса в с. Красной Поляне вместе с Маловым Иваном и другими об активной борьбе с колхозами путём вредительства и поджогов».

Четвёртым следует Барцайкин Иван Сергеевич («отец Иоанн») из села Симкино Дубёнского (ныне Большеберезниковского) района Мордовии – «связист-пропагандист, вербовщик, организатор ячеек в Н-Пёстровском, Кузнецком, Инзенском, Дубёнском и др. районах СВК», который осуществлял связь с Алатырским, Северо-Кавказским контрреволюционными образованиями организации и с г. Киевом. Ему вменялось также в вину подстрекательство к осуществлению террористических актов над колхозными постройками и отмечалось, что он имел подземную церковь для нелегальных сборищ.

В своих показаниях он признал себя виновным в том, что в течение ряда лет вёл «контрреволюционную деятельность под религиозным флагом, которая главной своей целью имела удержание крестьян единоличников от вступления в колхозы и развал этих колхозов путём создания настроения среди колхозников, побуждающего их к выходу из колхозов. При многочисленных посещениях своих единомышленников, которых имел в ряде сёл и районов..., внушал им, а через них верующим колхозникам и единоличникам следующее: «В колхозы вступать нельзя, колхозы есть совет нечестивых, и они должны скоро погибнуть, а также погибнуть все, кто в них находится. Колхозы есть антихристова организация, в них

верующих заставляют нарушать заповеди Божьи – работать в воскресные дни, чего делать нельзя». Говорил, что скоро должна быть кончина мира, и поэтому нужно всё бросать и спасаться в молитве Богу в пустынях.

В показаниях Барцайкина упоминается много имён его единомышленников, а также перечисляется, где, когда, с кем он встречался, о чём говорили между собой, то есть содержится богатый материал для привлечения к ответственности целого круга лиц, проживающих в разных населённых пунктах Средне-Волжского края. Но утверждать, что именно его показания сыграли главную роль в их обвинении, нет оснований, поскольку со многими обвиняемыми он был арестован одновременно, а значит, компрометирующий их материал у следователя уже имелся.

Читая протоколы допросов, нельзя не удивиться, зачем с такой подробностью обвиняемые дают показания на самих себя и на своих близких. Объясняется это очень просто. Дело в том, что записанные в протоколах показания не являются непосредственным рассказом подследственных, а компилируются из их ответов на вопросы, поставленные следователем, имеющим уже конкретные факты, полученные от других людей. И задача следователя состоит в том, чтобы под давлением этих фактов получить новую информацию. Так, в ходе многочасовых допросов из полученных ответов выстраивается довольно связный рассказ на нескольких страницах, заверенный в конце подписью допрашиваемого. И, как говорится, дело сделано.

Ещё одним разъездным агентом и пропагандистом был странствующий иконописец Николай Константинович Дубов из села Собакино Сенгилеевского района, распространявший среди членов организации контрреволюционную литературу, «истолковывавшую антихриста в лице соввласти». Так говорится о нём в обвинительном заключении.

В отношении упомянутой литературы следует пояснить, что, будучи на Афоне, он приобрёл книгу об антихристе Ефрема Сирина – толкование на «Апокалипсис» Иоанна Богослова – и давал её для чтения своим единомышленникам. И вообще, он как человек начитанный толковал Священное Писание, говорил о предметах веры и нравственности, призывал не отступать от религии, несмотря ни на какие трудности, переживаемые церковью, «твёрдо следовать по стопам Бога». На вопросы к нему, не наступило ли уже время антихриста, он «разъяснял им подробно понятие об антихристе, об его признаках, как-то: без печати ничего нельзя будет ни купить, ни продать, власть его будет распространена на весь земной шар и т. д. О том же, что антихрист уже пришёл, он не говорил.

Состав организации «Союз Христовых воинов»

Общее число привлечённых к ответственности по делу «Союз Христовых воинов» – 103 человека. Из них 61 мужчина и 42 женщины. Возрастной состав: до 50 лет – 59 чел., от 50 до 60 лет – 25 чел., от 60 и выше – 19 чел.

В социальном разрезе картина выглядит следующим образом: попов – 18 чел., кулаков – 16, монашек – 10, старых дев-келейниц – 12, середняков-единоличников – 28, зажиточных – 5, прочих – 15. Правда, если сложить эти цифры, получится 104 человека. Но статистика – вещь сложная, всегда можно ошибиться.

Всего было «раскрыто» 19 ячеек, из них руководителями сельских и кустовых ячеек организации были 8 середняков-единоличников. Списка всех ячеек не приводится. Характеристика на каждого обвиняемого не только не позволяет выявить полностью весь «руководящий» состав организации, но и даже чётко разделить обвиняемых по вышеуказанным категориям.

Сама градация: кулак – середняк-единоличник – зажиточный не совсем понятна, а есть ещё среди обвиняемых просто единоличник, середняк-колхозник и просто середняк. Если сложить всех «неколхозников» вместе, то получается 49 человек, то есть почти половина организации.

Это обстоятельство, а также выделение особой строкой восьмерых руководителей, являвшихся середняками-единоличниками, свидетельствует о том, что всё это дело и заводилось в первую очередь для того, чтобы опорочить единоличное хозяйство и показать враждебный настрой единоличников по отношению к колхозам, что позволяло бы, с одной стороны, списать все трудности колхозного строительства на происки кулаков и середняков-единоличников, а с другой – запастись мотивацией для применения репрессий по отношению к ним. И не случайно дело возникло в зимний период, чтобы задолго до весеннего сева проинформировать об имеющихся вредительских действиях, направленных против колхозного строительства и способствующих массовому выходу крестьян из колхозов, что не могло не сказаться на результатах будущего урожая и хлебозаготовок.

Если не учитывать людей из категории «прочих», среди которых были иконописец, фотограф, двое слепых, бродяга, юридивый, торговец, мещанка и ещё неизвестно кто, то всех оставшихся можно зачислить в церковники, которых окажется 40 человек, из них – 18 «попов». На самом же деле священников гораздо меньше – всего 11 человек, а остальные – это попадя, дочь попа и 5 псаломщиков.

Монашек и старых дев-келейниц в общей сложности – 22. Их тоже трудно отличить друг от друга, поскольку монашками называли всех бывших монастырских насельниц, среди которых далеко не все имели монашеский постриг: там были и трудницы, и послушницы – простые и рясофорные. После закрытия монастырей они, если не были осуждены, разбрелись кто куда, и все стали «монашками».

Что же касается «старых дев-келейниц», то они, живя у себя дома, вели монашеский образ жизни и, по сути, ничем не отличались от «монашек». Поэтому всех этих женщин правильнее было бы назвать «монашествующими». По своему образу жизни они никуда, кроме церкви, если она, конечно, была открыта, не ходили; ни с кем, кроме своего круга, не общались, и поэтому для колхоза и для советской власти сами по себе были неопасны. Их аресты при возбуждении групповых дел происходили, скорее, для увеличения численности и придания размаха «раскрытым» контрреволюционным организациям. Другое дело – закрытие монастырей или храмов: здесь они кидались грудью на амбразуру и часто за свою активность сразу же получали высшую меру наказания.

«Участие» духовенства

К участникам организации «Союз Христовых воинов», кроме иеромонаха Благова и священника Покровского, были также причислены священники:

– Небосклонов Иван Иванович из с. Русского Качима Кузнецкого (сейчас Сосновоборского) района, проживавший на момент заведения дела в г. Москве у дочери. Ему было приписано руководство деятельностью организации совместно с И. И. Маловым, участие в контрреволюционном заговоре церковников в период 1924–1931 годов, что не нашло отражения в материалах следствия, и организация в Русском Качиме ежегодных совещаний духовенства по вопросам борьбы с советской властью.

– Каменцев Николай Николаевич из с. Озёрок Кузнецкого (Сосновоборского) района, только что вернувшийся из концлагеря и якобы сразу же вставший на путь активной деятельности в организации, в которой работал под руководством Малова и Небосклонова.

– Козлов Василий Иванович из с. Шкудима Кузнецкого (Сосновоборского) района, которого ни в чём больше не смогли обвинить, как только в антисоветской агитации в составе организации Красно-Полянского куста.

– Вершинин Кузьма Иванович из с. Знаменской Лопуховки Николо-Пёстровского (Никольского) района, имевший «целью подготовку масс к восстанию».

– Топорков Евстафий Степанович из с. Большой Борисовки Инзенского района, которого записали подручным к «руководителю» кустовой ячейки Чернышёву Григорию Ивановичу.

А также иеромонахи:

– Трошин Артём Николаевич (иеромонах Антонин) – «руководитель» ячеек в с. Аншлейке Николо-Пестровского района и с. Соколовке Лунинского района.

– Ежёнков (Ежонков) Зиновий Терентьевич (иеромонах Зосима) – «руководитель» ячейки в с. Новой Селе Николо-Пестровского района.

– Бычков Леонид Иванович (а точнее – Бычков Леонтий Иванович в миру, а в монашестве иеромонах Леонид) из с. Бутурлино Иссинского района, определённый на роль пропагандиста, направлявшего работу членов организации в сёлах Сабаново, Лопуховка, Знаменская Пёстровка, Никольская Пёстровка.

– Графов Пётр Афанасьевич из с. Ильмино Лунинского района – «руководитель» беседнической контрреволюционной группы в своём селе. О нём сказано, что он «поп», а не «поп-иеромонах», как обычно говорилось об иеромонахах.

В ранее известных о нём сведениях говорится, что он во Вьяском монастыре в 1909 году постригся в монахи с именем Порфирий и в том же году был рукоположен в сан иеродиакона, но через 4 дня после рукоположения за какие-то проступки был лишён сана и оставлен в монашеском звании. Послереволуционные сведения о нём были очень скудные – на 1932 год являлся странствующим священником Лунинского района.

В деле «Союз Христовых воинов» имеется протокол его допроса, где говорится, что после разгона в 1919 году Вьяского монастыря он по 1922 год был жестянщиком и, занимаясь этим ремеслом, ходил по сёлам Лунинского района. Затем устроился псаломщиком в с. Александрию, с 1927 года был псаломщиком в с. Трофимовке Пензенского района, а с 1930 года служил священником в Мордовском округе.

Подшитый следом за его показаниями в 5-м томе дела № 10249 протокол допроса представляет для нас немалый интерес. Составлен он на Екатерину Никифоровну Доронину-Графову – жену Графова. Да, да, на гражданскую жену иеромонаха Порфирия (если он ещё назывался этим именем). В своих показаниях она говорит, что году в 1920-м отделилась от своего отца – середняка д. Владимировки Лунинского района и стала жить отдельно в небольшой избёнке, называемой по-местному кельей, занимаясь рукоделием. С Графовым она познакомилась во Вьяском монастыре, куда ходила со своим набожным отцом. Как уж они ухитрились там сговориться, непонятно, но вскоре он стал приходить к ней во Вла-

димировку. Далее монашеская жена приводит длинный послужной список своего мужа: «Графов ранее служил псаломщиком больше 1 года в с. Александрии, года 2 в с. Кирилловке и месяцев 6 в Б[елом] Ключе Лунинского р-на. Последние 3 года он стал служить священником. Первое время около 1 года в селе II Чирково Лунинского района, потом перешёл в Знаменскую Пёстровку Иссинского района, где служил месяцев 5, оттуда перешёл в с. Ломовку Лунинского р-на, служил м-ца 3, из Ломовки перешёл в с. Соколовку, где был м-ца 3, из Соколовки он ушёл как будто бы потому, что что-то не поладил с церковным старостой Шипуновым Никифором Николаевичем. После Соколовки он с 1 м-ц жил на Б[ольшом] Вясе, нигде не служил, а потом поступил в с. Ильмино, где и работал до последнего времени. Всего в Ильмине он жил 2 м-ца, и я в Ильмино живу только 1 м-ц, ранее я с ним по месту его службы нигде не жила, кроме села Кирилловки года четыре тому назад месяцев шесть, не больше».

Ну разве мы о его биографии узнали бы так много, если бы он выполнял свои монашеские обеты? Хотя, может, он и снял с себя монашеский сан, что вполне допустимо, только вот после этого путь к священнослужению для него должен быть закрыт. Но это в нормальное время, а не в той неразберихе. Рукополагаясь, он, может, и «не вспомнил» о том, что когда-то был монахом, – ведь наделал же он кучу ошибок в протоколе, упоминая о годах пребывания вначале в Наровчатском Скановом Троицком монастыре, а затем во Вяском. И даже год рождения себе «состарил» на 8 лет. Ну и как тут доверять документам?

Но зато сколько много в них находишь интересного! Вот попалась какая-то фраза о «боровых монашках», вызвала вопрос, но сразу же и забылась. А тут в протоколе допроса крестьянина Ильи Михайловича Пенькова из с. Соколовки целый исторический очерк о них. Вроде бы не по теме, но как пройти мимо такой неизвестной страницы из религиозной жизни прошлых лет?

«В отношении боровых монашек, проживающих между с. Соколовки и д. Алексеевки Соколовского с/совета, Романовой Федосьи Никифоровны, Романовой Прасковья Никифоровны, Смысловой Марии Захарьевны и др. мне известно следующее: все указанные лица имели нетрудового дохода путём одурманивания населения, как-то: предсказаний о будущем, лечения святой водой от всяких болезней не только гр-н, а даже и скота. Вследствие чего они пользовались популярностью от населения не только из близь прилегающих населённых пунктов, а к ним приезжали за 100–150 вёрст из др. районов. О историческом возрождении данной пустыни я могу показать то: в дореволюционное время, примерно лет 50–60 назад, в бору поселился один старец по имени отец Макарий, который имел у

себя книги чёрной магии, по которым он предсказывал судьбу человека за несколько лет. Лес, где проживал отец Макарий, принадлежал Бол. Вьяскому монастырю, и монастырские руководители в лице игумена, имя которого я не знаю, решили отца Макария изжить, т. к. к последнему народа стало ходить больше, чем в монастырь, а отсюда весь доход поступал не в монастырь, а к отцу Макарию. Отец Макарий помер примерно лет 40 назад. То книги чёрной магии перешли сожительнице отца Макария матери Ксении, последняя является тёткой Смысловой Марии, которая также заделалась святой матерью Ксенией. И эта Ксения нахальства проявляла ещё больше отца Макария, т. е. ей население за всевозможные лечения и предсказания стало приносить большие вознаграждения, были неоднократные случаи, что привозили хлеб, масло, яйца и др. возами. И она от своего ожирения не могла даже стоять на своих ногах. Приезжала из своей пустыни на лошади в Соколовскую церковь, где во время богослужения сидела в стуле. Это положение ещё больше взбесило Бол. Вьяский монастырь, то последний решил против данных чёрнокнижников повести самую решительную борьбу, передав на них дело как на еретиков следственно-судебным органам. К ним в пустынь приезжала полиция, которая производила обыск с целью изъятия книг чёрной магии, и последние были изъяты. Дело в отношении их разбиралось в суде, и суд присудил, чтобы их общину разогнать, постройки снести и т. д. То после суда матери Ксении и др. старым девам разрешил постройиться быв. землевладелец Красильников на своём участке, отвёл им под усадьбу 2 дес., где они построили громаднейший дом размером 16–17 аршин, огородили высоким забором двор, конюшни, сад, пасеку пчёл, имели много скота – до 5 коров, 1 лошадь и т. д. Одним словом, все постройки были всхожи на монастырь. В этом монастыре было старых дев до 15 челов. Руководила всем хозяйством мать Ксения. В период Русско-германской войны мать Ксения померла, то всё руководство, как по хозяйству, так же и по лжесвятости, было передано по наследству племяннице матери Ксении – Смысловой Марии Захарьевне, которая также до изъятия книг чёрной магии училась от своей тётки, матери Ксении. Смылова Мария к себе в заместители взяла Романову Прасковью с дочерью Романовой Серафимой, а Романова Федосья, старшая сестра Романовой Прасковьи, была уже вторым заместителем. И остальные старые девы были уже второстепенными лицами, которые исполняли обязанности чёрнорабочих прислуг. Указанным ремеслом они занимались до настоящего времени, т. к. публика к ним ходила со всех сторон, в частности, из сёл Соколовки, Кочелая (мордовское село) и др. И их работа уже заключалась не только в предсказании будущего, а была направлена против существующего строя, т. е. они вели

разлагательскую работу против сов. власти, коллективизации, скотозаготовок, хлебозаготовок и др. проводимых мероприятий. Данные действия я слышал от населения, что они не советовали вступать в колхоз, не советовали сдавать хлеб, скот и др., но самому лично мне с ними говорить не приходилось. Я считаю, что они являются самыми вредными лицами к сов. власти и их бы нужно изолировать давно».

Первоначальный вариант дела

После того как мы получили некоторое представление о «Союзе Христовых воинов» и познакомились с обвинительным заключением дела, вынесенным 10 апреля 1933 года, следует теперь сравнить его с предварительными намётками, чтобы убедиться, насколько далеко они отстоят от окончательного варианта.

Из постановлений от 3 января 1933 года об избрании меры пресечения будущим фигурантам этого дела видно, что характер контрреволюционной организации как «церковно-монархической» был определён уже заранее, хотя названия она ещё никакого не имела.

На роль руководителей организации и инициаторов её создания (пока что только в одном Николо-Пёстровском районе) были определены: «кулачество и активный монашеский элемент» в лице кулаков Барцайкина Ивана Сергеевича из с. Симкино Дубёнского района Мордовской области, Казакова Ивана Ильича из с. Дворянской Кеньши Инзенского района, Баранцева Василия Трофимовича из с. Годяйкино Кузнецкого района и единоличника-начётчика из с. Щукино Кузнецкого района Юртова Фёдора Андреевича. Называть организацию церковно-монархической, не имея в руководстве представителей Церкви, пока что нет никаких оснований, хотя политическая окраска ей уже заранее вынесена.

Впоследствии первый из названных «руководителей» организации хоть и был оставлен в числе её активных членов, но только оказался низведённым до уровня связиста-пропагандиста, вербовщика, вынужденного действовать по заданию сверху.

Второй «руководитель» – кулак Иван Ильич Казаков в числе обвиняемых вообще отсутствует, зато там появилась кулачка Екатерина Даниловна Казакова из с. Дворянской Кеньши, как видно, его жена, попавшая в число подследственных, возможно, за своего мужа (умер, бежал?), но никак не подходящая на роль руководителя.

Нет среди обвиняемых и третьего «руководителя» – Василия Трофимовича Баранцева. А единоличник-начётчик Юртов в качестве руководителя – это вообще как-то несерьёзно.

Методы работы этих «руководителей» показаны очень примитивными: «бродяжничая по сёлам, будировали местный церковный к-р актив, объединяли его в определённые ячейки для борьбы с советской властью», «при участии классово-враждебного элемента из числа церковного актива каждого данного села использовали религиозные предрассудки отсталой части населения, преимущественно единоличников, вовлекали их в организованную контрреволюционную деятельность, в частности, в борьбу против колхозного строительства».

Ячейки были «выявлены» в целом ряде сёл Николо-Пёстровского района, таких, как Серман, Большое Пермиево, Сабаново, Алово, Коржевка, Тюнярь, а также и в других районах Средне-Волжского края.

Актив ячеек, как отмечалось, систематически сеял в массах идеи о скорой гибели советской власти и возвращении монархического строя. И при этом, играя на религиозных чувствах, активно распространял мысль, что «советская власть – антихристова власть». Антиколхозная агитация ячеек строилась на распространении «провокационных слухов о кончине мира, пришествии антихриста и призывов в массе населения оказывать сопротивление всем текущим хозяйственно-политическим кампаниям и в первую очередь хлебозаготовкам».

В первую группу обвиняемых по Николо-Пёстровскому району вошёл 51 человек, плюс три священника, выделенных особо. Следующая группа из 23-х человек представляла Кузнецкий, Иссинский, Инзенский и Барышский районы. Дальше выносились постановления о заключении под стражу на отдельных лиц или же на небольшие группы по несколько человек, таких оказалось 39 человек. Таким образом, первоначальное число, привлечённых пока что по безымянному делу, составило 116 человек. В дальнейшем, как мы знаем, оно сократилось до 103-х.

«Ячейки» организации и их «руководители»

Как уже было сказано, всего было «выявлено» 19 ячеек, но полного перечня их обвинением не представлено. Населённых же пунктов, в которых выявлены члены «Союза Христовых воинов» почти вдвое больше, и в каких именно из них, кроме уже отмеченных в характеристиках обвиняемых, «имелись» ячейки организации, непонятно. Возможно, это удалось бы узнать из протоколов допросов, но изучить все 8 томов следственного дела, заведённого на «Союз Христовых воинов», в короткий срок не представляется возможным. Поэтому в данной работе мы ограничимся порайонным выделением кустовых контрреволюционных образований, кратко характеризуя их состав по отдельным населённым пунктам, входящим

в тот или иной район. Если руководитель ячейки известен, то он будет указан в скобках после названия того населённого пункта, в котором эта ячейка находилась. Далее представлен актив ячейки с указанием для каждого обвиняемого возраста, его социального положения, определённой ему следователем роли и вынесенного по делу наказания.

Барышский район (Ульяновская область)

Красная Поляна (Синодское) (Малов Иван Иванович, 80 лет, бывший волостной старшина, член Госдумы, кулак-лишенец, участник руководящего центра «Союза Христовых воинов», руководитель кустовой ячейки; освобождён; Дубов Николай Константинович из с. Собакино Сенгилеевского района, иконописец, разъездной агент-пропагандист, во время пребывания в селе Красная Поляна вместе с Маловым руководил ячейкой; осуждён на 3 года заключения в ИТЛ).

Дьячков Михаил Васильевич, 43 года, «слепец», «выдавал себя за святого», организовывал в своём доме кустовые собрания организации; освобождён, позднее проходил по делу № 8869 епископа Серафима (Юшкова).

Из показаний Агриппины Кругловой: «Дьячков Михаил, или, как его зовут, «Миша Слепой», является мне двоюродным братом, он не в полном рассудке, да плюс слепой. Я жила вместе с ним лишь потому, что его родители, умирая, просили меня не оставлять его, ухаживать за ним. Я вот не могу объяснить причин, но про Дьячкова ходили слухи, что он «прозорливый», и часто к нему приходили какие-то люди... были такие случаи, когда меня эти прихожие обворовывали».

Круглова Агриппина Михайловна, 46 лет, старая дева, устраивала в своём доме собрания вместе с двоюродным братом Михаилом Дьячковым; освобождена.

Порецков Михаил Григорьевич, 60 лет, середняк-единоличник, штрафовался за невыполнение хлебозаготовок; освобождён.

Справка: В селе Красная Поляна был похоронен старец Леонтий (Леонтий Тимофеевич Шестаков, ок. 1828–1901), почитаемый верующими.

О том, как отмечалась память старца Леонтия в Красной Поляне (Синодском), рассказал Михаил Дьячков во время следствия по делу епископа Серафима (Юшкова) (дело № 8869) в 1935 году: «В прошлом в с. Синодское жил старец Леонтий, который пользовался при жизни большим авторитетом [у] верующих. Память о старце Леонтии сохранилась до сего времени, т. к. он очень много имеет своих приверженцев. Используя тяготение к Леонтию, духовенство в Синодской церкви два раза в год орга-

низует поклонение умершему старцу Леонтию. На могилу Леонтия, находящуюся в ограде церкви с. Синодского, стекается очень много народа из окружающих сёл, так, например, из старцев и бродячих религиозников я встречал там следующих лиц: 1) Благов Степан из Леонидовки, 2) Барсуков Кузьма (блаженный старец) из с. Годяйкино Литвиновского района, 3) Андрей «Серманский» из с. Серманска (Сермана. – *А. Д.*) – слепец, заним[ающийся] бродяжничеством, 4) Евдокия «Борисовская» из с. Борискино (может, Борисовки? – *А. Д.*), странница – старая дева, 5) Евдокия «Аристовская» из с. Аристово (Аристовки. – *А. Д.*) – стар. дева, 6) двое Морозовых, проживающих за Пензой, – нищие, занимающиеся бродяжничеством. Из духовенства моление в память старца Леонтия посещает поп Михаил из церкви с. Головцово Барышского района.

Дубёнский район (Мордовия)

Симкино

Барцайкин Иван Сергеевич, 42 года, кулак, один из наиболее активных членов организации, связист-пропагандит, организатор ячеек в районах Средне-Волжского края, имел подземную церковь; осуждён на 3 года заключения в ИТЛ.

Чеберчино

Бурмагина Ксения Алексеевна, 48 лет, псаломщица и председатель церковного совета, организовывала беседнические группы; сослана на 2 года в Казахстан.

Инзенский район (Ульяновская область)

Большая Борисовка (бывшая Борисова Кеньша) (Чернышёв Григорий Иванович, 32 года, середняк-единоличник, руководитель кустовой ячейки, ездил в Киев для связи со схимонахиней Марией; сослан на 2 года в Казахстан).

Вдовина Анисья Николаевна, 52 года, занималась сбором средств для монашеского элемента организации; освобождена.

Ганюшкина Ефимия Ивановна, 38 лет, старая дева, келейница, в своём доме устраивала собрания ячейки; сослана на 2 года в Казахстан.

Маркина Евдокия Никифоровна, 40 лет, старая дева из с. Малой Борисовки, в её доме проходили собрания ячейки, в 1929 году совместно с Маркиной Татьяной организовала массовое выступление женщин в целях противодействия отчуждению имущества у священника; в 1932 году разо-

гнала работавших в поле женщин-колхозниц, угрожая последним избие-нием колом, на колхозном поле избила беременную колхозницу Вдовину Анисью, активистку-колхозницу и жену коммуниста, и разогнала колхоз-ные детские ясли; сослана на 3 года в Казахстан.

Маркина Татьяна Михайловна, 38 лет, середнячка-единоличница, в 1929 году совместно Маркиной Евдокией организовала массовое высту-пление женщин в целях противодействия отчуждению имущества у свя-щенника; освобождена.

Рыжова Матрёна Елисеевна, 31 год, старая дева, келейница, в её доме проходили собрания ячейки; сослана на 2 года в Казахстан.

Топорков Евстафий Степанович, 61 год, священник; освобождён.

Дворянская Кеньша (Казакова Екатерина Даниловна, 38 лет, кулач-ка, совместно с мужем руководила кустовой ячейкой, занималась сбором средств для участников Киевского контрреволюционного образования; сослана на 2 года в Казахстан).

Домосердки Новые и Старые (Арисов Кузьма Семёнович, 40 лет, за-житочный единоличник, руководитель кустовой ячейки; освобождён).

Акашин Пётр Николаевич, 38 лет, середняк-единоличник, органи-зовывал вспомоществование киевским участникам организации; осво-бождён.

Колосова Анна Алексеевна, 67 лет, дочь попа, старая дева, лишена из-бирательных прав, принимала у себя разъездного агента Киевского контр-революционного образования схимонахиню Марию, ездила к ней в Киев, устраивала встречу с ней в своём доме; освобождена.

Инза

Пареньков Николай Леонтьевич, 26 лет, псаломщик, ездил в Киев для связи со схимонахиней Марией и укрывал её в своём доме в её приезд в Инзенский район; сослан на 2 года в Казахстан.

Пятино

Хургин Степан Фёдорович, 38 лет, странствующий юродивый, лишён избирательных прав, связной, выдавал себя за святого; осуждён на 3 года заключения в ИТЛ.

Репьёвка

Гаранова Серафима Ивановна, 43 года, старая дева, келейница; сосла-на на 2 года в Казахстан.

Тяпино

Михина Арина Михайловна, 52 года, середнячка, вела жизнь затворницы, выдавая себя за прозорливицу, в своём доме устраивала совещания членов организации; сослана на 2 года в Казахстан.

Иссинский район

Бутурлино

Бычков Леонтий Иванович, иеромонах Леонид, 58 лет, выполнял функции пропагандиста; сослан на 2 года в Казахстан.

«В селе Бутурлино в результате деятельности организации все единоличные хозяйства укрыли хлеб в ямах, в том числе был обнаружен укрытый в ямах хлеб у члена организации Бычкова. В этом же селе имел место массовой убой скота» (заметим – собственного).

Знаменская Пёстровка (Овчинников Пётр Дмитриевич, 32 года, середняк-единоличник, слепой, руководитель ячейки, создал кружок молодёжи, результатом деятельности ячейки было: выходы из колхоза, отказ сеять отведённую единоличникам землю, избиение вступивших в колхоз, подстрекательство к расхищению колхозного хлеба; освобождён под подписку о невыезде).

Гордеев Моисей Степанович, 50 лет, середняк-единоличник, «принимал участие в работе, направленной к вызову массовки, подстрекал массу к избиению председателя сельсовета, угрожал расправой представителям власти, делал предложение кладовщику колхоза воровать колхозный хлеб»; освобождён.

Жарков Гавриил Семёнович, 26 лет, середняк-единоличник; освобождён.

Жарков Семён Капитонович, 63 года, зажиточный единоличник; освобождён.

Лазарева Матрёна Васильевна, 42 года, кулачка-лишенка, осуществляла связь с ячейками; сослана на 2 года в Казахстан.

Овчинников Павел Фёдорович, 61 год, середняк-единоличник, судился «за провокацию массовки», отбыл 1 год принудительных работ, вместе с Петром Овчинниковым принимал участие в антисоветской работе через создание молодёжного кружка верующих; освобождён.

«В 1932 году ячейка организации села Знаменская Пестровка организовала срыв весеннего сева в единоличном секторе. В этом же селе в 1932 году было обнаружено 10 хлебных ям, в том числе и у членов организации».

Никольская Пёстровка

Пиксаев Матвей Павлович, 32 года, середняк-единоличник, дезертир Красной армии, в своей антисоветской работе ставил задачей борьбу с советской властью вплоть до вооружённого восстания; сослан на 2 года в Казахстан.

Кузнецкий район

Верхнее Аблязово (Радищево)

Котельникова Татьяна Петровна, 55 лет, монашка; освобождена.

Полекина Марфа Васильевна, 60 лет, середнячка-единоличница, в результате её агитации из колхоза вышло 50 хозяйств; освобождена.

Просвирнин Иван Авдеевич, 58 лет, бездомный бродяга; сослан на 2 года в Казахстан.

Вороновка (Ульяновская область)

Козлов Гавриил Иванович, 48 лет, середняк-единоличник, антисоветской работой в своём селе добился выхода из колхоза; сослан на 2 года в Казахстан.

Козлова Неонилла Павловна, 43 года, старая дева, келейница; освобождена.

Годяйкино (Ульяновская область)

Арискина Варвара Даниловна, 57 лет, старая дева, келейница, в результате её агитации были выходы из колхоза; сослана на 2 года в Казахстан.

Веткасов Игнатий Ефимович, 28 лет, середняк-единоличник, был судим за попытку вызвать массовку, приговорён к трём месяцам принудительных работ; освобождён.

Веткасова Степанида Ефимовна, 33 года, старая дева, келейница, пыталась вызвать массовку на религиозной почве; сослана на 2 года в Казахстан.

Егорова Агриппина Илларионовна, 60 лет, монашка Липовского монастыря; освобождена.

Козловка (Сосновоборский район) (Юртов Фёдор Андреевич, 47 лет, середняк-единоличник, руководитель кустовой ячейки, в результате действий его ячейки был развален колхоз путём организации выхода из него; сослан на 2 года в Казахстан).

Юртов Михаил Михайлович, 41 год, единоличник, организовал мас-

совый выход из колхоза, имел пещеру, выдавал себя за святого; сослан на 3 года в Казахстан.

Кузнецк

Гусев Иван Григорьевич, 28 лет, псаломщик; сослан на 2 года в Казахстан.

Щербакова Анна Фёдоровна, 60 лет, мещанка, организовывала в своём доме совещания и сбор средств на создание подземного монастыря; освобождена.

Щипанова Александра Георгиевна, 56 лет, монашка Шиханского монастыря из мещан г. Кузнецка, арестовывалась органами ОГПУ как валютодержатель; освобождена. 23 февраля 1940 года была вновь арестована и содержалась в пензенской тюрьме, 17 мая из-под стражи освобождена.

В деле имеется конверт, надпись на котором свидетельствует, что на фотографии – Александра Григорьевна Щипанова, а не Анна Щипанова.

Озёрки (Сосновоборский район)

Каменцев Николай Николаевич, священник, 40 лет, с 1929 по 1932 год находился в концлагере; по делу «Союз Христовых воинов» осуждён на 3 года ссылки в Казахстан.

Полянка

Грачёва Варвара Афанасьевна, 52 года, середнячка-единоличница, устраивала в своём доме собрания членов организации; освобождена.

Русский Качим (Сосновоборский район)

Небосклонов Иван Иванович, 68 лет, священник, организовывал со-
вещения духовенства, на момент возбуждения дела проживал в Москве;
освобождён.

Садом (Сосновоборский район) (Покровский Николай Александро-
вич, 62 года, священник, член руководящего центра «Союза Христовых
воинов», руководитель кустовой ячейки; сослан на 2 года в Казахстан;
18 июля 1939 года приговорён к 10 годам лишения свободы).

Тарлаково (Благов Степан Петрович, иеромонах, один из наиболее
активных членов организации, руководитель ячейки, осуждён на 3 года за
ключения в ИТЛ).

Шкудим (Сосновоборский район) (Олесов Семён Васильевич, 53 года,
один из руководителей ячейки, исполнял обязанности псаломщика; со-
слан на 2 года в Казахстан).

Козлов Василий Иванович, 65 лет, священник; освобождён.

Меньшов Герасим Михайлович, 31 год, середняк-единоличник, был
судим за невыполнение поручения сельсовета, отбыл 5 месяцев принуди-
тельных работ; освобождён.

Нестеров Василий Григорьевич, 39 лет, середняк-единоличник; осво-
бождён.

Щукино (Сосновоборский район)

Куликов Григорий Тимофеевич, 70 лет, кулак-лишенец; освобождён.

Куликов Никита Григорьевич, 46 лет, середняк-единоличник; осво-
бождён.

Куликова Мария Ефимовна, 18 лет, дочь репрессированного кулака;
по поручению связиста Барцайкина и своего отца, члена организации
Куликова Ефима «поджигала с. Щукино» с целью закрепить антисовет-
скую проповедь Барцайкина о том, что «не покаетесь – сгорите»; осво-
бождена.

Прокина Ирина Васильевна, зажиточная единоличница; освобождена.

Лунинский район

Ильмино

Графов Пётр Афанасьевич, 68 лет, иеромонах Порфирий, руководи-
тель беседнической группы в с. Ильмино; освобождён.

Лунино

Яновская Евдокия Павловна, 59 лет, монашка; освобождена.

Соколовка (Никольский район) (Трошин Артемий Николаевич, иеромонах Антонин, 43 года, руководитель ячеек в с. Аншлейке и с. Соколовке Лунинского района, с 1929 по 1932 год отбывал наказание в Архангельской области; по делу «Союз Христовых воинов» приговорён к 3 годам ссылки в Казахстан, бежал, в декабре 1933 года вновь арестован и 8 ноября 1934 года приговорён к 5 годам ИТЛ. Скончался в местах заключения).

Докукина-Романова Прасковья Никифоровна, 53 года, старая дева, келейница, ближайшая соучастница активных членов организации «угодницы Маши» (Смысловой Марии) и руководителя ячейки Трошина Артемия (иеромонаха Антонина), в 1931 году их деятельность «явилась почвой для массового выступления женщин, во время которого был зверски убит стрелок железнодорожной охраны»; сослана на 2 года в Казахстан.

Николо-Пёстровский район (Никольский район)

Алово

Писчаев Даниил Иванович, 47 лет, псаломщик; сослан на 2 года в Казахстан.

Аншлейка (Трошин Артемий Николаевич, иеромонах Антонин – см. *Соколовка*).

Левичев Иван Иванович, 62 года, середняк-единоличник, в своём доме устраивал собрания; освобождён.

Панкаева Елена Антоновна, 46 лет, середнячка-единоличница, в своём доме устраивала собрания под руководством Трошина; освобождена.

Ахматовка (Власов Иван Николаевич, 57 лет, зажиточный единоличник, руководитель-начётчик ячейки; сослан на 2 года в Казахстан; Макеев Иван Онуфриевич, 36 лет, середняк-единоличник, руководитель ячейки, ездил в Киев для связи со схимонахиней Марией; освобождён).

Дунина Матрёна Ефимовна, 53 года, попадья, жена священника Алексея Николаевича Дунина, приговорённого 16 сентября 1931 года к 5 годам лишения свободы; сослана на 2 года в Северный край.

Жуков Григорий Владимирович, 34 года, середняк-единоличник, сорвал собрание, посвящённое уборочной кампании; освобождён.

Королёва Аксинья Тимофеевна, 49 лет, кулачка-лишенка; освобождена.

Лукьянов Никанор Петрович, 50 лет, середняк-единоличник; освобождён.

Маринина (Маренина) Татьяна Фёдоровна, 49 лет, монашка Шиханского монастыря, проходила по делу № 425, которое в отношении её 28 декабря 1931 года было прекращено за отсутствием вины; по делу «Союз Христовых воинов» осуждена на 2 года ссылки в Казахстан.

Пронин Василий Иванович, 36 лет, деревенский фотограф, ездил в Киев для связей с членами местного контрреволюционного образования; освобождён.

Пронина Мария Ефимовна, 33 года, середнячка-единоличница, связистка, ездил в Киев для установления связи со схимонахиней Марией; освобождена.

Строков Иван Кузьмич, 60 лет, зажиточный, был судим за неуплату с/х налога, прятал хлеб; освобождён.

Большое Пермёво

Левин Василий Афанасьевич, 54 года, середняк-единоличник, начётчик; сослан на 2 года в Казахстан.

Ромашкина Наталья Алексеевна, 53 года, середнячка-единоличница, «вестница и спутница» связиста И. С. Барцайкина, устраивала в своём доме собрания; освобождена.

Знаменская Лопуховка

Вершинин Кузьма Иванович, 48 лет, священник; сослан на 3 года в Казахстан; 13 декабря 1937 года расстрелян.

Казарка

Федотов Никита Васильевич, 60 лет, ткач рогож, в 1927–1928 годах служил псаломщиком в Домосердках, в 1927 году как служитель культа лишён права голоса, в мае 1929 года был арестован за участие в нелегальном собрании, до 1930 года сидел в Кузнецком исправдоме, потом был сослан в добровольную ссылку в Сталинград, где работал плотником, через 3 года вернулся домой; «руководил» ячейкой села Аншлейки в отсутствие иеромонаха Трошина Артемия; освобождён.

Коржевка

Морозова Анисья Кузьминична, 57 лет, монашка; освобождена.

Митрофановка

Гальчуткина Матрёна Ивановна, 50 лет, середнячка-единоличница,

сопутствовала связисту Барцайкину, рекламируя его святость, ездила в Киев для связи со схимонахиней Марией; освобождена.

Новая Селя (Ежёнков Зиновий Теретьевич, иеромонах Зосима, 68 лет, руководитель ячейки; освобождён).

Захарова Ксения Михайловна, 40 лет, монашка Шиханского монастыря, являясь сторожихой церкви организовывала в ней ночные беседы с прихожанами; сослана на 2 года в Казахстан.

Канторова Анна Ивановна, 42 года, бывшая монашка Шиханского монастыря; сослана на 2 года в Казахстан.

Солдаев Иван Яковлевич, 52 года, кулак-лишенец; сослан на 3 года в Западную Сибирь.

Сабаново (Макаров Гавриил Фёдорович, 42 года, середняк-единоличник, руководитель ячейки и начётчик; сослан на 2 года в Казахстан).

Голубева Агафья Ивановна, 55 лет, кулачка, ездила в Киев для связи со схимонахиней Марией; сослана на 2 года в Казахстан.

Левин Илья Иванович, 54 года, бывший торговец; сослан на 2 года в Казахстан.

Чекунова Василиса Андреевна, 44 года, старая дева, келейница, объявила себя «святой»; сослана на 3 года в Западную Сибирь.

Серман (Столыпин Фома Иванович, 47 лет, зажиточный единоличник, руководитель-начётчик, при изъятии у него имущества за невыполнение задания по с/х налогу оказал сопротивление, нанёс удар мотыгой заместителю председателя сельсовета Козину, переломив у него руку; сослан на 2 года в Казахстан).

Белов Никанор Сергеевич, 44 года, псаломщик; сослан на 2 года в Казахстан.

Бiryюков Пётр Григорьевич, 33 года, кулак-лишенец; сослан на 2 года в Казахстан.

Дёмин Пётр Семёнович, 44 года, кулак, принимал участие в срыве собрания по вопросу хлебазаготовок; сослан на 2 года в Казахстан.

Казаков Андрей Васильевич, 34 года, слепой, организовывал в своём доме совещания, освобождён под подписку о невыезде.

Казакова Аксинья Кузьминична, 58 лет, кулачка-лишенка; освобождена.

Клыченков (Ключенков) Алексей Васильевич, 29 лет, кулак; сослан в Западную Сибирь на 3 года.

Монгаева (Мангаева) Евдокия Потаповна, 60 лет, келейница, принимала участие в срыве уборочных работ; освобождена.

Монгаева (Мангаева) Ирина Тимофеевна, 58 лет, старая дева, келейница; освобождена.

Понисов (Панисов) Александр Григорьевич, 48 лет, середняк-колхозник, в 1932 году в период полевых работ увёл с поля колхозную бригаду, сказав, что увозят весь хлеб, в результате чего бригада не работала 2 дня; сослан на 3 года в Казахстан условно.

Подтяжкин Яков Васильевич, 32 года, середняк-единоличник; сослан на 2 года в Казахстан.

Смолянов Трофим Павлович, 35 лет, середняк-единоличник; освобождён.

Четвергова Мария Васильевна, 43 года, старая дева, келейница, связанная между ячейками; сослана на 2 года в Казахстан.

В августе 1932 года в Сермане женщинами было сорвано собрание, посвящённое сдаче с/х налога, «при участии и под руководством членов организации».

Чепурлейка

Тихонова Евгения Павловна, 47 лет, кулачка-лишенка, раскулачена в 1931 году, ходила в церковь с. Сермана, собирала милостыню; освобождена.

Сенгилеевский район (Ульяновская область)

Собакино

Дубов Николай Константинович, 53 года, иконописец, разъездной агент-пропагандист, во время пребывания в с. Красной Поляне вместе с Маловым руководил ячейкой; осуждён на 3 года заключения в ИТЛ.

Из показаний И. И. Малова: «Я Дубова Николая знаю с детства, как он пошёл по линии иконописи. Он бывал в Иерусалиме, на Афоне и в многих других монастырях. Странствуя по святым местам, он также странствовал и по сёлам, занимаясь изготовлением икон, и постоянного места жительства не имел, не имея и семьи. Будучи убеждённым религиозником, он много читал церковных книг и поэтому он не в пример другим является очень грамотным начётчиком и толкователем Священного Писания...».

Чаадаевский район

Ёга (Сосновоборский район)

Архипов Иван Дмитриевич, 23 года, единоличник, бродяга, осуществлял связь с ячейками; сослан на 2 года в Казахстан.

Завершение дела

Из 103-х человек, привлечённых к ответственности по делу «Союз Христовых воинов», реальные сроки получили 49 человек, из них половина (25 чел.) – церковники, к которым можно отнести священнослужителей (6), попадьё, псаломщиков (6), монашек (3) и келейниц (9).

Таким образом, «церковная» направленность «контрреволюционной повстанческой монархической организации», наличие которой вытекало из самого названия организации «Союз Христовых воинов», была подтверждена участием в ней служителей религиозного культа и фанатично верующих женщин – монашек и старых дев-келейниц.

О «монархической» направленности должно было свидетельствовать желание членов организации возвращения прежней власти и их связь с «институтом наследников», что было отражено в показаниях арестованных.

«Повстанческий» характер организации (то есть подготовка к восстанию или мятежу) здесь вообще никак не присутствовал, если, конечно, под этим не понимать ожидание скорой кончины советской власти. Но мечты и конкретные действия – это совсем разные вещи.

Другая половина осуждённых (24 чел.), если отбросить двух бродяг, юроривого и иконописца, представляла собой крестьян-единоличников, деятельность которых проявлялась в антиколхозной агитации с использованием эсхатологических моментов (о конце света, приходе антихриста) и отсюда – об антихристовой сути советской власти и её организаций-колхозов, в которые христианам ни в коем случае нельзя было вступать. Это, естественно, сказывалось на темпах коллективизации и требовало принятия срочных мер.

Таковыми мерами стало выявление чуждого элемента, занимающегося вредительской работой по разложению колхозов, и организация показательных судебных процессов, одним из которых и стало дело «Союз Христовых воинов».

Небольшие сроки наказания и большое число освобождённых участников организации лучше всего свидетельствуют о «показательности» этого процесса, в результате которого были «вычищены» оставшиеся на свободе кулаки (8 чел.) и удалены из сёл единоличники (2 зажиточных и 9 середняков, а также один торговец), занимающие активную антиколхозную позицию.

По 3 года заключения в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) или ссылки получили 12 человек:

- Благов Степан Петрович, иеромонах (ИТЛ);
- Трошин Артём Николаевич, иеромонах (ИТЛ);
- Барцайкин Иван Сергеевич, кулак (ИТЛ);
- Дубов Николай Константинович, иконописец (ИТЛ);
- Хуртин Степан Фёдорович, юродивый (ИТЛ);
- Каменцев Николай Николаевич, священник (ссылка в Казахстан);
- Вершинин Кузьма Иванович, священник (ссылка в Казахстан);
- Юртов Михаил Михайлович, единоличник-средняк (ссылка в Казахстан);
- Маркина Евдокия Никифоровна, келейница (ссылка в Казахстан);
- Чекунова Василиса Андреевна, келейница (ссылка в Западную Сибирь);
- Солдаев Иван Яковлевич, кулак (ссылка в Западную Сибирь);
- Ключенков Алексей Васильевич, кулак (ссылка в Западную Сибирь).

По 2 года получили 37 человек:

- Пиксаев Матвей Павлович, единоличник-средняк (ИТЛ);
- Дунина Матрёна Ефимовна, попадья (ссылка в Северный край);
- Четвергова Мария Васильевна, келейница (ссылка в Западную Сибирь);
- Подтяжкин Яков Васильевич, единоличник-средняк (ссылка в Западную Сибирь);

а остальные – ссылка в Казахстан:

- Покровский Николай Александрович, священник;
- Бычков Леонид Иванович, иеромонах;
- Белов Никанор Сергеевич, псаломщик;
- Гусев Иван Григорьевич, псаломщик;
- Олесов Семён Васильевич, псаломщик;
- Пареньков Николай Леонтьевич, псаломщик;
- Писчаев Даниила Иванович, псаломщик;
- Бурмагина Ксения Алексеевна, псаломщица и председатель церковного совета;
- Захарова Ксения Михайловна, монашка;
- Канторова Анна Ивановна, монашка;
- Маринина Татьяна Фёдоровна, монашка;
- Арискина Варвара Даниловна, келейница;
- Веткасова Степанида Ефимовна, келейница;
- Ганюшкина Ефимия Ивановна, келейница;
- Гаранова Серафима Ивановна, келейница;
- Докукина-Романова Прасковья Никаноровна, келейница;

- Рыжова Матрёна Елисеевна, келейница;
- Бирюков Пётр Григорьевич, кулак;
- Голубева Агафья Ивановна, кулачка;
- Дёмин Петр Семёнович, кулак;
- Казакова Екатерина Даниловна, кулачка;
- Лазарева Матрёна Васильевна, кулачка;
- Власов Иван Николаевич, зажиточный единоличник;
- Козлов Гавриил Иванович, единоличник-середняк;
- Макаров Гавриил Фёдорович, единоличник-середняк;
- Михина Арина Михайловна, единоличница-середнячка;
- Столыпин Фома Иванович, зажиточный единоличник;
- Чернышёв Григорий Иванович, единоличник-середняк;
- Юртов Фёдор Андреевич, единоличник-середняк;
- Левин Илья Иванович, торговец;
- Архипов Иван Дмитриевич, бродяга;
- Просвирнин Иван Авдеевич, бродяга.

Как ни странно, среди осуждённых и даже просто арестованных нет монаха Пантелеймона Кривова, выдававшего себя за царевича Алексея, хотя он постоянно фигурирует в свидетельских показаниях.

Продолжение

Обычное дело того времени местного значения, каким является «Союз Христовых воинов», нашло неожиданное продолжение.

В показаниях подследственных часто встречались сведения об их паломнических поездках в Киев, в результате которых завязались отношения с некоторыми из киевских монастырей. Испытывая недостаток с продовольствием, монастырские служащие просили паломников, чтобы они по возможности присылали им какие-либо продукты, а из одного из киевских монастырей в Средне-Волжский край приезжала в качестве курьера схимонахиня Мария.

Для малограмотных жителей сельской местности киевские монахи, естественно, были в большом авторитете, поэтому их негативное отношение к советской власти имело немаловажное, а пожалуй, и решающее значение в вопросе о вступлении крестьян в колхоз. Даже при отсутствии у следователей конкретных фактов об их антисоветских разговорах они не могли упустить случай, чтобы не связать с Киевом «Союз Христовых воинов».

В результате были произведены аресты и киевских монахов. Об этом говорится в книге «Биографические сведения о братии Киево-Печерской

Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии», в статье, посвящённой схиархиепископу Антонию (Абашидзе):

«В начале 1933 г. в стране органами ГПУ были арестованы члены монархической организации «Союз Христовых воинов». Это, вероятно, послужило поводом для ареста части лаврской братии. На протяжении марта – апреля 1933 г. секретно-политическим отделом Киевского областного отдела ГПУ УССР было арестовано более 20 монахов.

У владыки Антония 13 марта 1933 г. был произведён обыск, во время которого изъято два Евангелия, два креста, одна серебряная икона, чаша и лжица для причастия, свечи, книги, переписка и др.

Схиархиепископ Антоний был арестован и содержался в киевском ДОПр. В материалах следственного дела записано, что владыка «является идейным вдохновителем Киевского к. р. образования». На допросах он давал чёткие, краткие ответы, без какой-либо информации о деятельности и взглядах лиц, интересовавших ГПУ. Обвинения в антисоветской агитации владыка Антоний отверг. О беседах с паломниками сказал следующее: «...я всегда говорил паломникам, чтобы они крепко держались Православия, не отходили от Церкви. Каким путём вести борьбу за Православие, я им не объяснял». ⁷

10 мая 1933 г. его освободили из тюрьмы под подписку о невыезде из Киева, а 22 июня 65-летний схиархиепископ Антоний был осуждён на 3 года лагерей условно. Возможно, мягкое наказание он получил по случаю своего знакомства и переписки с бывшим питомцем Тифлисской семинарии Иосифом Джугашвили (Сталиным).

В следственных делах «Союза Христовых воинов» встречается упоминания о владыке Антонию.

ИСТОЧНИКИ

¹ Дворжанский А. И., Зелёв С. В., протоиерей Владимир Клюев. Праведный верою жив будет. Пензенский мартиронолог пострадавших за веру Христову. – Пенза, 2014.

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. М., 2005. – С. 47.

³ Власов В. А., Степанова О. В., Тишкина А. В. Коллективизация и раскулачивание в Пензенском крае. – Пенза, 2009.

⁴ Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения. – Т. 11. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – С. 168–171.

⁵ Архив УФСБ по Пензенской области, дело № 10249 (бывшее № 4641).

⁶ Исповеднический путь монашествующих на Кавказе: 1920–1930-е годы / Сост. Л. Е. Сикорская. – М., 2017. – С. 528, 597.

⁷ Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии / Сост. Л. П. Рылкова. Киев, 2008.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авраамий (Чурилин) – 6
Акашин Пётр Николаевич – 35
Алексий I – 19
Алексий (Кузнецов) – 5
Андрей «Серманский» – 34
Антоний (Абашидзе) – 47
Антонин (Трошин) – 28
Арискина Варвара Даниловна – 37, 45
Аристов Кузьма Семёнович – 35
Артоболевский Владимир – 6, 7
Артоболевский Иоанн – 6
Архангельский Гавриил – 6
Архипов Иван Дмитриевич – 43, 46
Баранцев Василий Трофимович – 31
Барсуков Кузьма – 34
Барцайкин Иван Сергеевич – 22, 24, 31, 34, 42, 45
Белов Никанор Сергеевич – 42, 45
Бирюков Пётр Григорьевич – 42, 46
Благов Степан Петрович – 14, 17, 23, 24, 34, 39, 45
Боголюбов Пётр – 6
Богословский Пётр – 3
Бурмагина Ксения Алексеевна – 34, 45
Бученков Яков – 3
Бычков Леонтий Иванович (Леонид) – 28, 36, 45
Вдовина Анисья Николаевна – 34
Вершинин Кузьма Иванович – 27, 41, 45
Веткасов Игнатий Ефимович – 37
Веткасова Степанида Ефимовна – 37, 45
Виссарион (Зорин) – 20
Власов Иван Николаевич – 40, 46
Гальчуткина Матрёна Ивановна – 41
Ганюшкина Ефимия Ивановна – 34, 45
Гаранова Серафима Ивановна – 35, 45
Гермоген (Кузьмин) – 18, 19
Глаголев Сергей – 4
Голубев Андрей – 6
Голубева Агафья Ивановна – 42, 46
Гордеев Моисей Степанович – 36
Графов Пётр Афанасьевич (Порфирий) – 28, 29, 39
Графова (ур. Доронина) Екатерина Никифоровна – 28
Грачёва Варвара Афанасьевна – 38
Гусев Иван Григорьевич – 38, 45
Дёмин Пётр Семёнович – 42, 46
Доброхотов Евгений – 3
Докукина-Романова Прасковья Никифоровна – 40, 45
Доронина (Графова) Екатерина Никифоровна – 28
Джугашвили Иосиф (Сталин) – 47
Дубов Николай Константинович – 25, 33, 43, 45
Дубровин Владимир – 4
Дунин Алексей Николаевич – 40
Дунина Матрёна Ефимовна – 40, 45
Дьячков Михаил Васильевич – 33
Евдокия «Аристовская» – 34
Евдокия «Борисовская» – 34
Егорова Агриппина Илларионовна – 37

Ежонков (Ежёнков) Зиновий Терентьевич (Зосима) – 28, 42
 Жарков Гавриил Семёнович – 36
 Жарков Семён Капитонович – 36
 Жуков Григорий Владимирович – 40
 Захарова Ксения Михайловна – 42, 45
 Зосима (Ежонков) – 28, 42
 Иоасаф (Козлов) – 23
 Иракий (Попов) – 6
 Иринарх (Павлов) – 17, 19, 20
 Ириной (Шульмин) – 5
 Казаков Андрей Васильевич – 42
 Казаков Иван Ильич – 31
 Казакова Акси́нья Кузьминична – 42
 Казакова Екатерина Даниловна – 31, 35, 46
 Каменцев Николай Николаевич – 27, 38, 45
 Канторова Анна Ивановна – 42, 45
 Касаткин Николай – 6
 Кафтырев Савва – 4
 Кедрин Павел – 3
 Кипарисов Андрей – 7
 Кирилл (Соколов) – 4, 5, 7
 Климов Иоанн – 3
 Клыченков (Ключенков) Алексей Васильевич – 42, 45
 Ключников Сергей – 6
 Козлов Василий Иванович – 27, 39
 Козлов Гавриил Иванович – 37, 46
 Козлова Неонилла Павловна – 37
 Колосова Анна Алексеевна – 35
 Копыла Илларион – 23, 24
 Королёва Акси́нья Тимофеевна – 41
 Котельникова Татьяна Петровна – 37
 Кривов Пантелеймон Константинович – 16, 21, 22, 46
 Круглова Агрипина Михайловна – 33
 Ксенократов Александр – 3
 Куликов Григорий Тимофеевич – 39
 Куликов Евфимий – 4
 Куликов Никита Григорьевич – 39
 Куликова Мария Ефимовна – 39
 Лазарева Матрёна Васильевна – 36, 46
 Левин Василий Афанасьевич – 41, 46
 Левин Илья Иванович – 42, 46
 Левичев Иван Иванович – 40
 Леонид (Бычков) – 28, 36
 Леонтий (Шестаков Леонтий Тимофеевич) – 33, 34
 Листов Алексей – 5
 Лукьянов Никанор Петрович – 41
 Макаров Гавриил Фёдорович – 42, 46
 Макеев Иван Онуфриевич – 40
 Малов Андрей Михайлович – 20
 Малов Иван Иванович – 19, 20, 21, 22, 27, 33, 43
 Мангаева (Монгаева) Евдокия Потаповна – 42
 Мангаева (Монгаева) Ирина Тимофеевна – 43
 Маринина (Маренина) Татьяна Фёдоровна – 41, 45
 Маркина Евдокия Никифоровна – 34, 35, 45
 Маркина Татьяна Михайловна – 34, 35
 Меньшов Герасим Михайлович – 39
 Мироносицкий Иоанн – 3

- Михина Арина Михайловна – 36, 46
Монгаева (Мангаева) Евдокия Потаповна – 42
Монгаева (Мангаева) Ирина Тимофеевна – 43
Морозова Анисья Кузьминична – 41
Морозовы – 34
Небосклонов Иван Иванович – 20, 27, 39
Нестеров Василий Григорьевич – 39
Овчинников Павел Фёдорович – 36
Овчинников Пётр Дмитриевич – 36
Олесов Семён Васильевич – 39, 45
Орлов Иоанн – 3
Палладия (Пурысева) – 4
Панисов (Понисов) Александр Григорьевич – 43
Панкаева Елена Антоновна – 40
Пареньков Николай Леонтьевич – 35, 45
Пахомий (Ионов) – 5
Пеньков Илья Михайлович – 29
Пиксаев Матвей Павлович – 37, 45
Писчаев Даниил Иванович – 40, 45
Подтяжкин Яков Васильевич – 43, 45
Покровский Николай Александрович – 22, 39, 45
Полекина Марфа Васильевна – 37
Понисов (Панисов) Александр Григорьевич – 43
Порецков Михаил Григорьевич – 33
Порфирий (Графов) – 28, 39
Прокина Ирина Васильевна – 39
Пронин Василий Иванович – 41
Просвирнин Иван Авдеевич – 37, 46
Протасов Николай – 3
Разумов – 20
Ремезов Павел – 3
Ремезов Павел Иванович – 6
Рожков Александр – 7
Романова Прасковья Никифоровна – 29, 30
Романова Серафима – 30
Романова Федосья Никифоровна – 29, 30
Ромашкина Наталья Афанасьевна – 41
Рыжова Матрёна Елисеевна – 35, 46
Серафим (Юшков) – 5, 7, 18, 33
Сергий (Страгородский) – 18, 20
Смирнов Василий Сергеевич – 6
Смолянов Трофим Павлович – 43
Смылова Мария Захарьевна – 29, 30
Соколов Матфей – 4
Солдаев Иван Яковлевич – 42, 45
Соловьёв Александр – 17
Сталин – 10, 47
Столыпин Фома Иванович – 42, 46
Строков Иван Кузьмич – 41
Студенский Павел – 7
Тихон, патриарх – 19, 20
Тихонова Евгения Павловна – 43
Топорков Евстафий Степанович – 28, 35
Трапезников Даниил – 4
Трошин Артём (Артемий) Николаевич (Антонин) – 28, 40, 41, 45
Умов Иринарх – 6
Федотов Никита Васильевич – 41
Фемистоклов Николай – 6
Феодор (Смирнов) – 6

Филипп (Перов) – 4
Хатаевич М. М. – 9
Хорошунов Иван – 6
Хуртин Степан Фёдорович – 35, 45
Чекунова Василиса Андреевна –
42, 45
Чернышёв Григорий Иванович –
28, 34, 46
Четвергова Мария Васильевна –
43, 45
Шестаков Леонтий Тимофеевич –
33
Шиловский Николай – 4
Шипунов Никифор Николаевич –
29
Щербакова Анна Фёдоровна – 38
Щипанова Александра Георгиев-
на – 38
Юртов Михаил Михайлович – 37,
45
Юртов Фёдор Андреевич – 31, 37,
46
Юшков Серафим Владимирович –
5
Яновская Евдокия Павловна – 40

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Коллективизация в Средне-Волжском крае	7
Предпосылки возникновения дела «Союз Христовых воинов».....	11
Обвинительное заключение	13
«Наследники Дома Романовых»	14
«Руководители» мифической организации	17
«Руководящий центр» организации	19
Состав организации «Союз Христовых воинов»	26
«Участие» духовенства	27
Первоначальный вариант дела	31
«Ячейки» организации и их «руководители»	32
Барышкский район (Ульяновская область)	33
Дубёнский район (Мордовия)	34
Инзенский район (Ульяновская область)	34
Иссинский район	36
Кузнецкий район	37
Лунинский район	39
Николо-Пёстровский район (Никольский район)	40
Сенгилеевский район (Ульяновская область)	43
Чаадаевский район	43
Завершение дела	44
Продолжение	46
Источники	48
Именной указатель	49

Дворжанский Александр Игоревич

«СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ»

Подписано в печать 00.00.2021 г. Формат 60x84/16

Бумага ксероксная. Печать трафаретная.

Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А. Ю.

440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, офис 3

Тел.: (8412) 56-37-16